

ЕВРЕЙСКИЙ ЖАМЕРТОН

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

ГЕРОИЗМ И ИУДАИЗМ

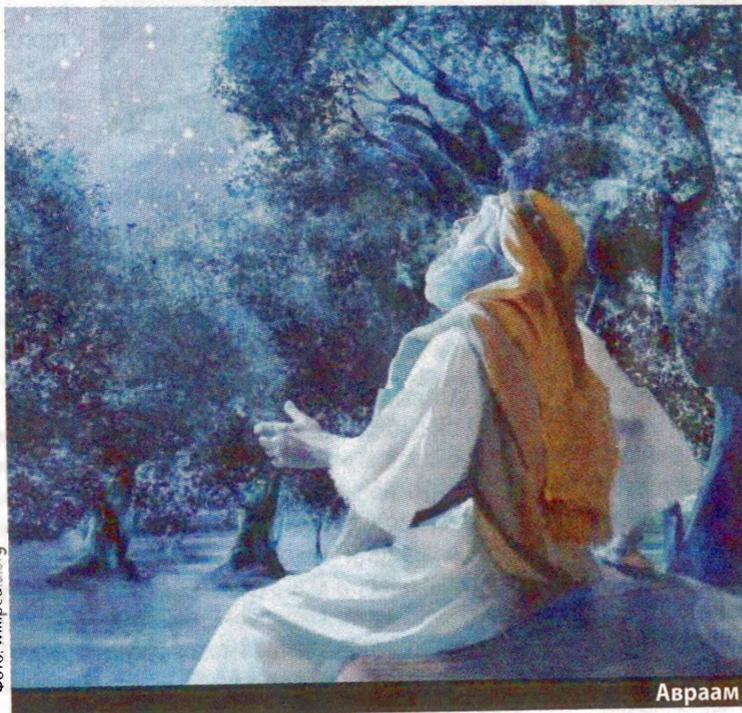
Наум ВАЙМАН

1.

Что есть героизм?

Само слово возникло в греческом языке и является понятием греческой культуры. Первые герои - дети богов, полубоги. И герой - прежде всего индивидуум, этим он коренным образом отличается от "обычного" человека - части рода или общины. Постепенно (с неуклонным ростом индивидуации) героями уже не только рождаются (в силу божественного происхождения, как Геракл), но и становятся. Герои уже - не только мифические персонажи, но и реальные, исторические лица, с которыми молва связывает крутые повороты народной судьбы: знаменательные победы, основания городов и т.п., даже знаменитые спортсмены. Героем становится "обычный" человек, если он бросает вызов судьбе. Герои пускаются в опасные странствия, преодолевают тяжелые испытания и воюют, воюют, воюют. Все, что герой стремится обрести, достается ему в борьбе. Поэтому он прежде всего воин. И его главное оружие против всесильной и неуlomимой судьбы - готовность к самопожертвованию. Во всей этой воистину героической эпопее юного индивидуализма есть могучая энергия наступления, открытия, завоевания.

Выделение личности из общины, из рода, есть поворотный пункт человеческой истории. Род - это рой, муравейник, некий единый биологический организм, связанный, слитый с миром. Род - судьба человека. Отделение от рода - вызов судьбе. И это героический вызов. И хотя "освобождающийся индивидуум" вкушает, как считает А.Ф.Лосев, "сладость своего изолированного существования", но вместе с извест-

Авраам

ной сладостью освобождения от принудительной общности своих в доску возникает и "тоска индивидуации": вместо ощущения гармоничной целостности и слитности с родом и миром появляются ощущение одиночества, потерянности, отчуждения и ужас "окончательной гибели". Отделившись от рода, человек остается один на один с миром, отныне они противостоят друг другу. Ситуация "один на один с миром", трагического и непоправимого одиночества для человека невыносима. Он должен либо вернуться в лоно рода, либо встать против "неправильного" мира и разрушить его.

Вообще "героическая" установка таит в себе опасность полного отрыва от рода и мира из презрения к нему, даже ненависти. Так в германо-скандинавском героическом эпосе у героизма и героической судьбы появляется мрачноватый оттенок: готовность к самопожертвованию становится главным качеством и уклоняется в сторону "во-

ли к смерти". Победа над самим собой, над желанием жить становится высшим утверждением героического начала. Все герою подвластно, если ему подвластна собственная смерть. Героев германского эпоса ведет логика предельного самоутверждения. Они склонны к сомнению, вплоть до самообожествления. П.А.Сапронов в своей книге "Феномен героизма" называет такого рода самопожертвование принесением в жертву "самого себя самому себе же. Себя как человека - себе как богу". Такой эпос, такое представление о судьбе породили одну из самых мрачных и воинственных цивилизаций мира - германскую. И рыцарство как образ жизни. Человек в таком мировоззрении - рыцарь, вставший на смерть. Но не во имя жизни, а из презрения к смерти. Такому человеку Бог и не нужен. Он сам становится богом. А героизм - высшим проявлением индивидуализма. Такой индивидуализм несет в себе энергию разрушения.

По сути, и греку для "подвига жизни" не нужны его боги: можно, конечно, попросить у них удачи, но как они ее "распределяют", никто не знает, и если одни боги тебя поддержат, другие будут против тебя, ведь и они в вечной ссоре между собой, да и вообще "победа достается сильнейшему". С богами надо быть скорее осторожным, не вызывать их гнева и "к*зр*ст*". Языческие религиозные ритуалы даров и молений богам были похожи на попытки задобрить ту или иную стихию, или вообще Судьбу, и в этом была не только рабская покорность и заискивание, никак не подходящие героическим установкам культуры, но это унижение даже не могло служить гарантией спасения: стихия своевольна и человеку чужда. То есть язычество прославляло героев, как богов, но от людей требовало рабской покорности...

Возможно, это одна из причин, почему языческие боги постепенно ушли из античной "картины мира" и ее стали формировать философия и трагическое искусство. Последнее стало для античного грека главным инструментом спасения. Оно сменило экстазы ритуальных мистерий, призванное хотя бы в воображении восстановить разорванную связь с миром, вновь пережить чувство единения с ним. Возникла первая фабрика грез - театр греческой трагедии.

Философия была верой в спасительность мудрости. Она была образом жизни подвижника, самоотверженным служением интеллектуальной истине, включая готовность к самопожертвованию (Сократ!). "Сопряженность героической и философской устремленности очевидна", пишет П.А.Сапронов в книге "Феномен героизма". Но грече-

ская мудрость постепенно вела мысль к идее Единого, как всеобщего начала и устроителя мира, а единобожие плохо уживается со своеволием.

Зарождение в греческой философии идеи единобожия, самостоятельно, или в результате встречи с иудейским мировоззрением, произошло задолго до возникновения христианства. Уже Гераклит Темный (V в. до н.э.) выдвинул идею Логоса как единого начала и создателя мира, а основатель стоицизма Зенон Китийский сделал ее стержнем "жизни в соответствии с природой". В античном мире вплоть до средневековья. Сам Зенон, родившийся в торговом финикийском городе на Кипре, был скорее всего иудеем (его отца звали Менассия), а его способ изложения был "профетическим" и "несвойственным эллинской мысли". "Мысль Зенона - пророчество, облеченное в форму сентенций", пишет А.А.Столяров в книге "Стоя и стоицизм". По мнению Макса Поленца, в учении Зенона "сказывается семитский способ созерцания", а сам философ - "символический представитель эллинизма, олицетворяющий великое слияние Запада и Востока".

Замена мифологии на философию и искусство ведет к вырождению героизма: последний весь - в жизненном действии. В стоицизме еще хранится античный пафос свободы, но он обращен "внутрь", на состояние души, и тяга к свободе уже не завоевывает жизнь, а помогает освободиться от ее "пут". Стоя - отступление в крепость души.

Поскольку все человеческие связи с миром отданы во власть Судьбы, и человек в них не властен, то истинная свобода для стоика - это освобождение от всех "земных" связей. Человек властен лишь в одном - в своем поступке. В свободе воли и выбора он подобен Богу. Главное

ПО СЛЕДАМ ЕГИПЕТСКОГО ПОХОДА НАПОЛЕОНА

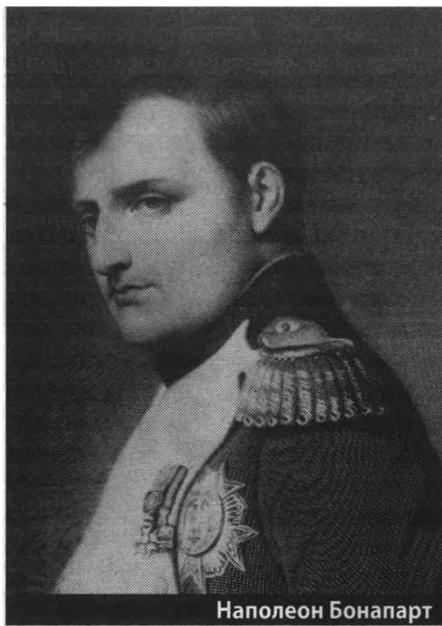
Яков БАСИН

Когда Первый сионистский конгресс, проходивший в последних числах августа 1897 года в швейцарском городе Базеле, одобрил "базельскую программу" Теодора Герцля, мир узнал, что "бездомные" евреи планируют создание собственного национального очага и не где-нибудь, а в Эрец-Исраэль, на том самом клочке земли, где две тысячи лет назад этот дом существовал. И мало кто тогда вспоминал, что почти за сто лет до этого уже был один государственный деятель, который провозгласил восстановление еврейского государства на территории Османской Палестины со столицей в Иерусалиме. Более того, этот человек, скорее всего, осуществил бы свой замысел, если бы не потерпел поражение в войне, которую сам же затеял. Этим человеком был Наполеон Бонапарт.

Последнее десятилетие XVIII века стало переломным в вопросах предоставления евреям гражданских прав и интеграции их в окружающую среду. Социальные процессы, которые произошли в результате революционных преобразований в обществе, изменили облик многих государств. Как американская, так и французская революции провозгласили торжество принципов веротерпимости и отделения церкви от государства.

Во Франции Национальное собрание приняло 26 августа 1789 г. важнейший документ Великой Французской революции, определяющий индивидуальные права человека, - Декларацию прав человека и гражданина. В основу идей Декларации была положена концепция равноправия и свободы, принадлежащей каждому от рождения. Естественными правами человека и гражданина объявлялись свобода личности, свобода слова, свобода убеждений, право на сопротивление угнетению. Уже через месяц один из лидеров католической церкви, избранный в Генеральные штаты, аббат Анри Грегуар опубликовал воззвание с требованием эмансипации евреев. "Пятьдесят тысяч французов проснулись сегодня рабами", - писал он, намекая на отсутствие у евреев гражданских прав. Завершал он свою мысль патетическим призывом к депутатам Национального собрания: "От вас вполне зависит, чтобы спать они легли свободными людьми". 27 января 1791 г. евреи были уравнены в правах, и им была гарантирована свобода вероисповедания.

Одним из тех, кто воплотил в отношении евреев в жизнь идеи свободы, равенства и братства, был Наполеон Бонапарт (1769-1821). Начав свою военную карьеру в 1785 году восемнадцатилетним юношей

Наполеон Бонапарт

в чине младшего лейтенанта артиллерии, он выдвинулся в период Великой французской революции и через восемь лет достиг чина бригадного генерала. Еще через два года он уже был командующим военными силами тыла, а со 2 марта 1796 г. - командующим Итальянской армией. Когда французская армия во главе с Наполеоном отправилась в 1798 г. в военную экспедицию в Египет, ее командующему не исполнилось еще и 30 лет.

Еврейский вопрос занимал Наполеона всю жизнь, хотя среди близких к нему людей евреев не было. Однако будучи во многих отношениях продолжателем традиций французской революции, он прекрасно понимал всю униженность положения народа, который, как он сам писал, "дошел до нашего времени, пережив смену столетий, гордясь своим единством и считая самой большой своей привилегией иметь своим законодателем одного лишь Бога". Его поражало существование в конце просвещенного XVIII века такого отголоска мрачного средневековья, как запираемые на ночь городские еврейские гетто. И именно ему принадлежит ставшее популярным выражение: "Цивилизованность государства определяется его отношением к евреям".

Во время своих походов Наполеон приносил на захватываемые территории гражданские права проживающим там евреям. Он разрушал могучие каменные стены, окружавшие гетто, и устанавливал порядки, при которых евреи могли покидать свои кварталы в любое время дня и ночи, включая воскресные и праздничные дни, что до этого было невозможно. Разрушая стены гетто, он фактически разрушал стереотипы взаимоотношений еврейского и нееврейского населения этих городов.

Правительство Первой французской республики (Директория), заинтересо-

Хаим Фархи

ванное в укреплении своей власти, пыталось конкурировать с занимавшей лидирующие позиции в Европе Великобританией. И Наполеон предложил Директории план завоевания Египта, который тогда, формально подчиняясь Османской империи, фактически проводил независимую политику. Наполеон считал, что, высадившись в Египте и покорилив его, он сможет создать там свой форпост, чтобы потом двинуть войска дальше на Восток и, основав колонию на Красном море, организовать наступление на британские позиции в Индии. Члены Директории одобрили его план и, приняв решение отправить Наполеона в поход, отдали в его распоряжение Итальянскую армию и флот.

Египетский поход (или Египетская экспедиция) Наполеона начался 19 мая 1798 года, когда его эскадра, погрузив на борт экспедиционные войска численностью 35 тысяч человек, тайно покинула Тулон и вышла в Средиземное море, направляясь к берегам Египта. Существенной проблемой для Наполеона был тогда Королевский британский флот во главе с адмиралом Горацио Нельсоном, эскадра которого пыталась противодействовать французам. Но Наполеон умело довел до ушей адмирала дезинформацию, будто направляется для захвата Стамбула, и Нельсон отправился со своими кораблями в сторону турецких берегов, чтобы там перехватить его эскадру. Он освободил Наполеону фарватер, и спустя шесть недель, 1 июля, войска Наполеона высадились в районе Александрии. Уже на следующий день город был в руках французов. 21 июля французские войска вступили в бой с конницей мамелюков и разгромили ее. В историю этот бой вошел как Битва у пирамид. 24 июля войска Наполеона вступили в Каир.

Узнав, что правительство Османской

империи (Порта) готовит выступление против французских войск, Наполеон уже в начале 1799 г. начал поход на входящую в состав Османской империи Сирию. Французская армия без труда захватила 20 февраля Эль-Ариш на севере Синая, 27 февраля - Газу, небольшая еврейская община которой бежала в Хеврон, 1 марта - Рамлу, а 7 марта, после четырехдневной осады, Яффо. 18 марта, после того как в руках Наполеона оказалась Хайфа, его войска приступили к осаде Акко.

Для того, чтобы понять, что произошло дальше и почему у стен Акко Наполеона ждала едва ли ни первая серьезная неудача в его блестящей военной карьере, а также, как это отразилось на судьбе еврейского народа и на полтора столетия затормозило возрождение еврейской государственности, надо понять, чем была крепость Акко в конце XVIII столетия.

Крепостью маленький приморский город Акко, стоящий на перекрестке всех торговых путей Ближнего Востока, стал еще во времена похода крестоносцев, когда Палестина входила в состав Иерусалимского королевства. Город окружили мощными оборонительными сооружениями, и он получил название Сен-Жан д'Акр. В 1752 г. город стал столицей турецкой провинции Галилея, и власти в стремлении сделать его серьезным административным центром, пригласили войти в состав его населения еврейские и мусульманские общины, для которых были созданы соответствующие условия существования. В 1752 г. вокруг городских стен возникли серьезные фортификационные сооружения, и он стал центром эялета (провинции) Сидон Османской империи. Эялет простирался от Египта на юге до средиземноморского залива Кесерван на севере. В состав его территории входила тогда Палестина, Изреельская долина и горные районы Галилеи.

В 1775 г. к власти в Акко пришел выходец из входящей тогда в состав Османской империи Боснии профессиональный военный Ахмед Аль-Джаззар. Слово Джаззар было прозвищем, означающим "мясник". Так Ахмеда прозвали за его безжалостное отношение к тем, кто стоял на его пути. В 1790 г. он сделал Акко своей резиденцией. Аль-Джаззар продолжил реставрацию города. На месте христианских церквей он построил три новых мечети, одна из которых является третьей по величине в современном Израиле. В ней и покоится ныне прах Аль-Джаззара. В городе появился водопровод, крытые рынки, турецкие бани. Главным же было в его действиях то, что он укрепил крепостные стены и оборудовал новую гавань. Аль-Джаззар удерживал свою власть 29 лет, до самой своей смерти в 1804 г. Вошел же он в историю тем, что защитил город от осадивших его войск Наполеона и заставил французскую армию отступить.

Возглавлял оборону Акко еврей Хаим Фархи (1760-1820), занимавший у Аль-Джаззара должность саррафа - министра финансов. Хаим был представителем бан-

кирского семейства, основанного его отцом Шаулем Фархи и сделавшего много для развития экономики и укрепления османской власти в регионе. Хаима на эту должность пригласил сам Аль-Джаззар еще в 1790 г. Ему неоднократно приходилось представлять евреев Акко и Иерусалима перед властями и поддерживать их, отчего и получил он прозвище "еврейского министра". Как мы видим, он прекрасно справился также и с должностью "военного министра".

Уже в первые дни осады Наполеон понял, какая сложная задача перед ним стоит. С моря город блокировал английский флот, который возглавлял адмирал Сидней Смит. Корабли обстреливали расположенное у стен Акко 13-тысячное французское войско. Было ясно, что они также не позволят Наполеону подвести к городу свои корабли и высадить с них осадную артиллерию. А осада обещала быть долгой. В эти первые дни осады и застал Наполеона еврейский праздник Песах.

Ночь 20 апреля, накануне пасхальных праздников, Наполеон провел в тяжких думах, Именно в ту ночь он и написал свою знаменитую "Прокламацию", обращенную к "законным наследникам Палестины" с предложением объявить ее еврейским государством, а Иерусалим - столицей этого государства. Мы публикуем текст этой "Прокламации" в том виде, в каком она приведена в книге канадца Бена Вейдера "Блистательный Бонапарт" (М., 1992. - С. 56-57). Правда, Вейдер сожалеет, что сочность текста утрачена из-за двойного перевода с иврита на английский, а затем и на французский (мы же получаем ее и вовсе на русском), но... что есть, то есть.

"Прокламация к Еврейской нации. Штаб-квартира. Иерусалим, 1 флореаля (20 апреля 1799 года) VII года Французской республики.

От Бонапарта, главнокомандующего армиями Французской республики в Африке и Азии, - законным наследником Палестины.

Израильяне - уникальный народ, на протяжении тысячелетий лишенный земли своих предков, отнятой завоевателями и тиранами, но не утративший ни своего имени, ни национального существования! Внимательные и беспристрастные наблюдатели судеб и народов, даже если они не обладают провидческим даром Израиля и Иоуля, убедилась в справедливости предсказаний великих пророков, возвестивших накануне разрушения Сиона, что дети Господа вернутся на родину с радостным восклицанием: "Они найдут радость и веселие, а печаль и вздыхание удалятся" (Исайя, 35,10).

Встаньте в радости, изгнанные!.. Эта беспримерная в истории война начата во имя самозащиты народом, чьи наследственные земли рассматривались его врагами в качестве добычи, которую надо разодрать. Теперь этот народ мстит за два тысячелетия бесчестия. Хотя эпоха и обстоятельства кажутся малоблагоприятными для утверждения

или хотя бы выражения ваших требований, эта война, против всяких ожиданий, предлагает вам достояние Израилево.

Провидение направило меня сюда во главе молодой армии, ведомой справедливостью и несущей победы. Моя штаб-квартира развернута в Иерусалиме, а через несколько дней я буду в Дамаске, близость которого не будет более угрозой для города Давида.

Законные наследники Палестины!

Великая нация, не торгующая людьми и странами, подобно тем, кто продал ваших предков всем народам, не призывает вас отвоевывать ваше достояние. Нет, она предлагает вам просто взять то, что она уже отвоевала, с ее помощью и с ее разрешения оставаться хозяевами этой земли и хранить ее наперекор всем врагам.

Поднимайтесь! Покажите, что вся мощь ваших угнетателей не смогла убить мужество в наследниках героев, которые сделали бы честь Спарте и Риму. Покажите, что два тысячелетия рабства не смогли удушить это мужество. Поспешите! Настал час! Пришел момент, который не повторится, может быть, еще тысячу лет. Потребуйте восстановления ваших гражданских прав, вашего места среди народов мира. У вас будет право свободно славить имя Господа Бога вашего, как того требует ваша религия (Иоуля, 4, 20)".

Тайна появления этой "Прокламации" до сих пор не разгадана. Спор ведется, главным образом, по поводу мотивов, побудивших Наполеона его написать. Нам же кажется особенно важным проанализировать основные положения "Прокламации" хотя бы уже потому, что она фактически является первым документом в истории, озвучивающим идею реставрации еврейской государственности. Документом, исходящим от государственного деятеля такого масштаба и оглашающим постулаты, которые и сегодня отторгаются официальными кругами многих стран и звучат даже с трибун международных организаций. И обращается автор этого документа, ни больше, ни меньше, ко всем евреям земли:

"Прокламация к еврейской нации."

"Законные наследники Палестины... наследственные земли которых рассматриваются его врагами в качестве добычи... владеющие тем, что они уже отвоевали... и нуждающиеся не просто в окончательном восстановлении гражданских прав, а в обретении своего места среди народов мира..."

Эти слова не могут быть истолкованы двояко: речь идет об обретении этнической независимости, об объявлении собственной государственности. А соответствовали ли эти слова истинному положению евреев Эрец-Исраэля конца XVIII века? Что евреи тогда "отвоевали"? Чем, собственно, "владели"? Да, действительно отвоевали и на самом деле владели.

После того, как Иерусалим в 1517 г. был захвачен османскими турками, начался период его расцвета, и центр еврейской жизни постепенно переместил-

ся из Цфата сюда. Оттоманская империя абсорбировала большое количество еврейских беженцев, высланных христианской Испанией за четверть века до того, в 1492 г., и была тогда единственной страной, которая сознательно стремилась пополнить свое еврейское население. И когда турки-османы завладели Палестиной, многие евреи увидели в этом Божье предначертание и приближение дней Машиаха. Оттоманский император Сулейман Великолепный, царствовавший в 1520-1566 гг., проводил в Палестине либеральную политику. Для того чтобы сгладить сопротивление местных арабов, большие города, включая Иерусалим, активно заселялись национальными меньшинствами, И, как часть этой политики, всячески поощрялась абсорбция еврейских иммигрантов.

Сулейман Великолепный придавал исключительное значение стратегическому положению Иерусалима. Он стремился максимально пополнить его еврейскими иммигрантами, обладавшими значительно более высоким уровнем общего развития и грамотности, чем окружающее арабское население. Он обнес город мощными стенами и разрешил евреям совершать молитвы у Западной стены. Более того, он даже приказал построить у стены оракторий - место для совершения молитв. Правление Сулеймана и последовавших за ним османских султанов принесло городу период "религиозного мира". Евреи, христиане и мусульмане пользовались свободой вероисповедания, которую гарантировали османы, и на одной и той же улице можно было найти и синагогу, и церковь, и мечеть. В Иерусалим вновь стали прибывать евреи из стран рассеяния, основывались иешивы, на содержание которых поступали средства от евреев галута.

Наполеон честолюбив. Он настолько уверен в своей очередной победе над очередным врагом, что у него нет и минуты сомнения, что он силой возьмет Акко, уничтожит там всех сопротивляющихся и отправится в Иерусалим, до которого всего-то два марша. Вот почему уже на второй день блокады Акко он пишет в своей прокламации, что его штаб-квартира развернута в Иерусалиме и что через пару дней он уже будет в Дамаске и покорит его. Он уже видит себя в роли избавителя евреев. Вот в древности, три с лишним тысячелетия назад, египетский фараон не отпустил евреев на их историческую родину. Он же завоевал эти некогда фараоновы земли, одержав победу над врагами. И не где-нибудь, а в битве у пирамид. И он будет тем фараоном, который не только отпустит евреев из своей империи, но и поможет им создать свое новое государство.

Косвенным подтверждением нашей правоты в анализе текста наполеоновской "Прокламации" может служить дата ее написания - 20 апреля 1799 года. Это был день, после которого начинался еврейский праздник Песах. Не исторические ли аналогии подвигли Наполеона к мысли о необходимости кардинального решения векового еврейского вопроса?

Однако так случилось, что император,

тем не менее, войну на Ближнем Востоке проиграл и до Иерусалима со своим войском не дошел. А ведь мог дойти. В те дни, на вершине императорской власти и воинской славы, ему это было вполне по силам. И как знать, быть может, он, как в Италии, своим императорским указом взял бы да и учредил еврейское государство. Точнее, возродил древнее. Но не пришлось: стал жертвой собственного цинизма, коварства и поистине императорской безнаказанности.

Осадив Яффо, Бонапарт приказал объявить населению, что если гарнизон не капитулирует и ему придется брать город приступом, войска получат приказ пленных не брать. С гражданским населением тоже церемониться никто не будет. Но город не сдался, и тогда 6 марта 1799 года последовал штурм. Около четырех тысяч уцелевших при штурме турецких солдат, большей частью этнических арнаутов и албанцев, заперлись в одном обширном, со всех концов загороженном месте, и объявили, что сдадутся только в том случае, если им будет обещана жизнь. Французские офицеры это обещание им дали, после чего турки вышли из своего укрепления и сдали оружие.

Бонапарт был разгневан. "Что теперь с ними делать? - кричал он. - Где у меня припасы, чтобы их кормить? Кто их будет конвоировать - четыре тысячи отборных, сильных солдат?" Через три дня император принял решение. Оно было страшным: пленных расстрелять. Четыре тысячи безоружных людей, поверивших в то, что в соответствии с законами войны своей капитуляцией обеспечили себе право на жизнь, вывели на берег моря и расстреляли. Как писал много позднее один из французских офицеров, "никому не пожелаю пережить то, что пережили мы, видевшие этот расстрел".

Однако это преступление стоило Наполеону всей кампании, а еврейскому народу - шанса вновь стать хозяевами своей древней страны и ее такой же древней столицы. В тылу французской армии остались тысячи непогребенных трупов - как погибших и расстрелянных турецких солдат, так и жертв из мирного населения. Наступившая летняя жара привела к тому, что все эти смердящие трупы стали источником эпидемии чумы, которая, в конце концов, настигла сидящую в осаде Акко французскую армию. В результате Наполеон отступил и, бросая заболевших чумой солдат умирать, ушел из Палестины.

Несмотря на неудачу, этот поход Наполеона сыграл определенную роль в оживлении интереса европейских стран к Эрец-Исраэль и древней истории. Впервые со дня падения Иерусалима и разрушения Второго храма в 70 году н.э., впервые за 18 веков рассеяния Наполеон стал первым завоевателем, декларировавшим идею Палестины как родины иудеев. И в этом смысле он на полтора столетия раньше других стал предтечей современного Государства Израиль. Но понадобилось еще почти 100 лет, чтобы эта идея овладела энтузиастами, которые соберутся на свой первый сионистский конгресс в Базеле, и почти 120, чтобы ее приняли ведущие политики мира.

ИЗ МОЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Белла КЕРДМАН

Позвонила незнакомая женщина, обратилась по имени-отчеству. Значит, не обошлось без одесского следа. После общепринятых извинений за беспокойство представилась: Лена Шогам. И тут же назвала еще одно имя: Шимон, он же Семен, Фруг. Тот самый?! Поэт, обильно писавший по-еврейски и по-русски, с книжной полки моего папы? Оказывается, тот. И еще оказывается, что дед моей confidentки был племянником этого поэта, и мама ее в девичестве носила фамилию Фруг. Инна Львовна Фруг. Забегая вперед, скажу, что вся родословная Лены, которую они с сестрой Милой весьма успешно восстанавливают, представляет немалый интерес, особенно судьба ее мамы, фронтовички, врача и писательницы. В поисках своих корней Лена и набрела на меня. Ей, собственно, нужен был Михаил Чулок, живущий в США одессит, у которого Лена хотела найти информацию о племяннице Шимона - Фанни Фруг, родной сестре Лениного деда.

На удачу у меня с Мишей Чулком постоянная электронная связь, и почти ежегодно, когда он прилетает к родственникам в Израиль, мы, несколько здешних одесситов, встречаемся. Так что адрес Лена тут же получила и вскоре сообщила, что, спасибо Мише, после 50 лет безуспешных поисков они с мужем Левоу нашли на кладбище в Холоне могилу Фанни Фруг. Между прочим, имя "Лев" повторяется в трех поколениях этого рода: его носили дед и отец Лены, а теперь - и ее муж. Так что, разбираясь в своих записках по теме, я то и дело должна тормозить и уточнять, о ком из Львов в данном случае речь.

Спустя короткое время Лена с Левоу приехали ко мне. Показали фотографию памятника Фанни и рассказали о благой случайности - очередной, ибо таковые сопровождают их на всем пути восстановления родового древа. Получив информацию от Миши Чулка, они несколько часов безрезультатно искали захоронение Фанни Фруг на Холонском кладбище. И покидая его в наступивших сумерках, что называется вслепую, пощелкали окрест фотоаппаратом: на всякий случай. Случай оказался тем самым: просматривая дома свой слепой улов, Шогамы увидели четкое изображение искомого памятника с говорящей надписью на иврите. Перевожу на русский язык: "Фанни (Фрума) Фруг, дочь Муси и Хаима. Из семьи поэта Шимона Фруга. Родилась в России, репатрировалась в Израиль в 1956 году".

Но откуда у моего земляка Миши сведения о Фанни и вообще о Фругах? Я у него спросила. Он объяснил, а кое-что из одесского прошлого я и сама вспомнила. Шимон Фруг скончался в Одессе в сентябре 1916 года, его похоронили на еврейском кладбище, что было по Люстдорфской дороге. А в начале 70-х

Инна Фруг, солдат-связист

власти города решили это старое кладбище, где давно не хоронят, снести. Там сам собой уже стал разрастаться парк, его следует окончательно оформить. Одесса сильно смеялась: парк получался под стеной тюрьмы, то есть Тюремного замка (в Одессе не может быть просто тюрьмы), что на случай побега весьма удобно. По городу стала гулять "майса": украинский поэт Володимир Гетьман на очередном писательском собрании заявил: "Не можна нищити той цвинтар, бо там також наші поховані" ("нельзя уничтожать то кладбище, там ведь наши тоже похоронены"). Под "нашими" человек имел в виду писателей, и в первую голову - Менделе Мойхер-Сфорима, "дедушку" еврейской литературы!

Однако "дедушку" одесское начальство сносить не планировало. Его останки перенесли через дорогу - на Второе Интернациональное кладбище. А Шимон Фруг считался сионистом, так что его могила и памятник в числе большинства других подлежали уничтожению. Племянница Фруга, врач-гинеколог Фанни, жившая к тому времени в Тель-Авиве, каким-то образом узнала об этом. И обратилась за помощью к жившим во Франции друзьям - сестрам Розетте и Рахели, которые имели связь с Одессой. "Связью" был близкий родственник сестер - Пава (Павел) Чулок, папа Миши, и ему отправили "шифровку". Как вспоминает Миша, там было нечто вроде: "Советы хотят развалить еврейское кладбище", "Дедушка переехал напротив", "Дядя один пропадет". Дело уладили, дав кому-то "на лапу", и в присутствии Павла Чулка могилу вскрыли, косточки переложили в металлический гробик, и "дядя" тоже переехал напротив.

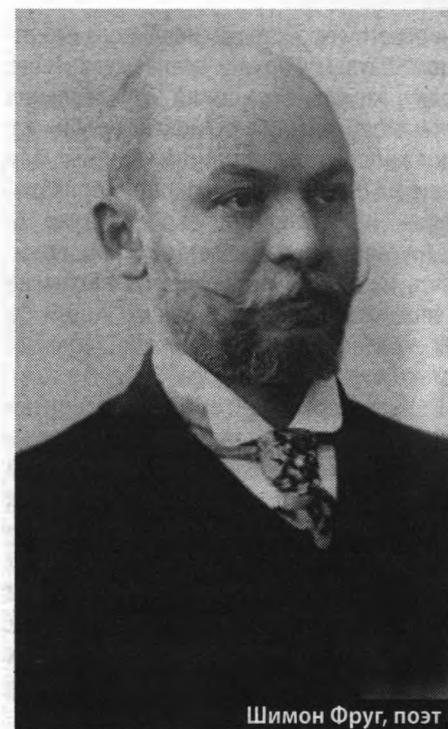
Шогамы оставили мне для прочтения три книжки Инны Львовны Фруг. И я погрузилась в работу, обнаружив вскоре, что писательские гены предка, чью фамилию она носила, явно передались их автору. Первая книга - "Запах гари", со-

стоящая, в основном, из писем и дневников еврейской девочки, ушедшей на фронт в 17 лет, прямо со школьного урока, меня ошеломила невероятной наивностью юной Инны. Мы из одного поколения - я всего на три года моложе ее. И помню войну, и эвакуацию в Сибирь, и вредную работу в каникулы на покраске минных стабилизаторов. Однако ни за собой, ни за окружающими меня сверстниками не помню ничего подобного!

К началу войны в семье девочки Инны сложилась непростая ситуация. Отец, "враг народа", отбывает наказание в ГУЛАГе, где его будут держать 18 лет. На одной из страниц своего фронтового дневника (дневников наберется 16) она, солдат-связист, записывает, что узнала о болезни отца, что он, который всегда был окружен любящими людьми, лежит где-то совсем одинокий. Вспоминает, как его любила бабушка. "Он чист как золото! Это я вам говорю! - кричала она в ту ночь, 11 октября 1938 года. Бабушка в ночной рубашке вышла в прихожую и кричала энкавэдэшникам прямо в лицо. У входной двери плакал дворник". Так запомнила 13-летняя тогда Инна ночь, когда увели из дома отца. И эта деталь с дворником, попавшая в ее дневник, я считаю, - от будущего писателя.

В московском доме Фругов после ареста главы семьи, остались бабушка, мама и две девочки - Инна и младшая, Янка. Когда началась война, Инна пугалась темноты и бомбежек, и торопила мать с эвакуацией. Уехали за Урал. Мама-учительница стала работать на колхозной ферме, а Инну поселили на квартире в другой деревне, где была школа-десятилетка. Голодали все, эвакуированные особенно. Маме иногда удавалось выменять на что-то из остатков московского "добра" и передать с оказией дочери несколько картофеля или особый деликатес - брюкву. А дочь, достигнув 17 лет, стала рваться на фронт. Военком прогнал школьницу, а она приходила снова и снова. И уговаривала маму, умоляла, требовала похлопотать в военкомате о призыве для нее. Вот строчки из ее письма к матери (еще не самые страстные, кстати): "Если я не уеду вскоре, то вся жизнь для меня будет кончена. Именно вся - как я буду потом смотреть людям в глаза, как?"

И до того дело дошло, что мама, после долгих отговорок, действительно обратилась к военкому с просьбой мобилизовать дочку! А отец, зэка Лев Фруг, в письме из своего далека сразу ее благословил. И когда, наконец, это получилось, спешно собравшись, Инна написала матери записку: "Если ты настоящий человек Советского Союза, если для тебя честь и свобода Родины выше мелочей личного, то не плачь (или поплачь немного). Мама, пойми - для меня жить было нельзя! Помни об этом всегда. Будь действительно Советским человеком - не плачь! Эту записку оставляю для тебя у Дарьи Андреевны. Обнимаю, целую тебя и Янку. Ваша Инна. 30.11.42 г."

Шимон Фруг, поэт

Повторяю: мы с Инной Фруг из одного поколения. Однако в моем доме никогда не звучала подобная лексика - насчет "настоящего советского человека". Возможно, свою роль играл присущий Одессе скепсис. А скорее всего, влияли взгляды отца и его друзей, понимавших цену всему "настояще-советскому". И прежде всего, цену этой "мелихе", этому руководству страны, "строящей коммунизм", но заключившей союз с фашистами в 39-м. Он умел читать газеты между строк. При нас с сестрой взрослые говорили все, даже так называемую "антисоветчину", и мы без всякого предупреждения, что называется, по определению, понимали, что этот "сор" выносить за стены квартиры нельзя. Я убеждена, что моя мама, простая женщина родом из местечка, ни за что не содействовала бы моей отправке на фронт!

Я не помню за собой ни чувств, ни мыслей, какие записала Инна Фруг 1.08.43 г. в свой дневник: "По радио звучит: "Так выпьем за славное имя, что в битву народы ведет!". Как я счастлива, что живу в одно время с этим Человеком, чье имя действительно звучит гордо, кому принадлежат прекрасные слова: "Будет и на нашей улице праздник!". Нет, я так не чувствовала. Однако же ни одно сочинение на школьном экзамене, ни одна курсовая работа в университете, не говоря уж о дипломной, не могли быть приняты без цитаты из Ленина или Сталина, и я таковые вписывала. В искренности Инны у меня нет и тени сомнений. Значит, искренними были мы - я и многие мои друзья и знакомые? Нет, неискренними, насквозь лживыми были та наша "мелиха", та партия, тот человек, которому искренне поклонялась наивная девочка Инна и которого сейчас пытаются воскресить российские "патриоты".

К немалому своему огорчению, Инна на передовую не попала - после специальных курсов стала телефонисткой, затем радисткой, обеспечивала связь для авиаторов. Она была исправным, надежным солдатом: таскала тяжеленные катушки с кабелем, ползком прощупывала линию связи, устраняя повреждения. Ее

Надгробная плита Шимона Фруга

Памятник Фанни Фруг на кладбище в Холоне

хвалили старшие чином. Но наградами обходили. И в партию, куда она упорно рвалась, не принимали. Признать, что дело в папе, "враге народа", Инна не желала - ведь она была убеждена, что он не виновен, верила, что в ошибке разберутся!

Еще пример невероятной наивности этой девушки-солдата. Когда их эшелон случайно оказался под Москвой, старшина отпустил ее "к себе". Дверь открыла чужая женщина. Инна, представившись, весело вошла, увидела на своих местах все вещи, посидела на отцовском диване и подумала, что квартиру у людей, видимо, разбомбили, их поселили временно на временно свободную жилплощадь, все правильно. К тому же, временная жиличка работает в райкоме партии, значит, все будет по-честному. Однако квартиру свою семья больше не увидит. Вернувшись с младшей дочерью в Москву, мама продолжила работать преподавателем и жила в бывшем туалете школы, превращенном в комнатку... Спустя годы Инна Фруг, уже врач и писательница, заметит в своих записках, что они, то есть она с родителями, "всегда были похожи на героев водевилей - все му легко верили..."

К отцу на поселение в Коми Инна поехала из Москвы после войны, в первые свои студенческие каникулы. Была зима, она промерзла в вагоне. Ее встретил на станции сильно постаревший и тоже промерзший папа. В книге "Кубик Рубика", вышедшей в свет в Иркутске в 2005 году, уже после ухода из жизни автора, читаем: "Я хотела реветь, кричать, выть, как воют над своей бедой бабы, я хотела броситься к отцу, целовать его, целовать, целовать... залить слезами, залить всего, растопить в своей любви. Наверное, и он чувствовал что-то вроде того...". И этот шаг вдвоем в лагерь у нее сопрягался в уме с гениальными строками Ахматовой: "А я иду, со мной беда, не прямо и не косо, а в никуда и в никогда, как поезда с откоса...". Инна Фруг всегда запоминала и записывала, использовала в своих текстах много значимых для нее цитат разных авторов, называя их "цикадами". У ее письма особый стиль: строки интонированы, они как бы звучат. Это свойство им придают фразы, часто разреженные многоточиями, то есть паузами, написание ключевых слов заглавными буквами или вразрядку. Но это я далеко забежала вперед.

С левой Лейдерманом, первоклассным радистом, Инна познакомилась на войне, а поженились они спустя не-

сколько лет, уже в мирное время. Оба окончили 1-й Московский мединститут, и в 1952 году поехали "по распределению и вольной воле", как говорит их дочь Лена, в молодой город Ангарск Иркутской области. Там пустил новые корни, прирастая родными и породненными, их еврейский клан. Оттуда и отправилась в Израиль в 1997 году семья Даниила - внука Инны и Левы, сына Лены и Левы, ныне отца трех дочек. Родители спустя несколько лет присоединились к ним. По-прежнему живет в Ангарске с мужем Михаилом Мила Животовская, младшая дочь Инны, которая в этом городе родилась. В Израиль уехала по программе "Наале" их дочь - Полина, у нее теперь три сына! А на кладбище в Ангарске появились несколько родителевских могил...

Писательская судьба И.Фруг сразу стала складываться удачно. Один из первых ее рассказов - "Запах гари" был напечатан в журнале "Юность", а первая повесть "Звезды ясные" появилась в журнале "Знамя". Ее заметили и признали известные писатели: Борис Васильев,

Борис Полевой, Григорий Бакланов, Валентин Распутин. А в 1988 году Восточно-Сибирское издательство выпустило сборник этого автора, названный по имени вошедшего в него того же "Запах гари" (у меня в руках - второе издание, 2015 года). В книгу вошли фронтовые письма девушки-солдата, ее дневники, письма ее друзей, а также зарисовки врача. Кстати, тексты иллюстрированы и зарисовками в прямом смысле слова - Инна Фруг была прекрасной рисовальщицей, ей удавались даже портреты. Вот уж правда: талантливый человек талантлив во всем. А предисловие к "Запаху гари" написала Светлана Алексиевич, ныне Нобелевский лауреат - это ведь ее тема: "неженское лицо войны".

Ох, неженское! Трагические последствия своей фронтовой молодости полной мерой испытала на себе доктор Инна Львовна Фруг-Лейдерман. Ее, в любую погоду носившую непосильные тяжести, играючи принимавшую стойку на голове по методу йоги, постигла тяжелая болезнь позвоночника. Сводило болью руки, отказали ноги. Операция, проведенная в Москве светилом отечественной хирургии, ухудшила состояние больной: его метод оказался ошибочным. Несколько улучшила дело повторная операция, которую провел в Новокузнецке молодой ортопед: Инна Львовна продолжила медицинскую практику. Один из лучших врачей Ангарска, она организовала в своей больнице литературно-просветительский клуб для медсестер - "Свеча", единственный такой в Союзе, куда приглашали известных литераторов. И продолжала писать.

Свою вторую книгу - "Кубик Рубика", опубликованную в том же Иркутске в 2005 году, Инна не увидела. Ее не стало в 1997-м. Сама ушла, добровольно и решительно, как ушла в юности на фронт. Не станем обсуждать этот поступок неординарной личности: все, что могла, она в своей жизни выполнила. Значит, дальше не могла. Об этой книге. Она посвящена Лейдерману Льву Иосифовичу, однополчанину, коллеге-врачу, любимому и преданному мужу. Свое предисловие к

"Кубику" ангарский журналист и писатель Леонид Беспрозванный назвал двумя точными словами: "Необструганное своеобразие". Так и есть. Повествование выстроено вокруг подарков, привезенных дочерью Леной из Москвы, где она была на курсах усовершенствования учителей-филологов. Идет традиционное семейное действо - раздача подарков. Кому что, почему именно это именно этому? Размышления, воспоминания, ассоциации, предвкушение "главного подарка", который появится в конце, а пока никто не знает, что это и кому достанется. Писан текст то от третьего лица - "она", то от первого - "я". От своего "я" Инна описывает даже проход дочери по ключевым местам обитания Фругов в столице: будто не дочь, а сама Инна там побывала. А главным подарком на сей раз был кубик Рубика, который Лена отдала отцу и который стал символическим ключом повествования.

Формат газетной статьи не позволяет мне продолжать рассказ о "необструганном своеобразии" этой книги. И по той же причине лишь коротко придется сказать о следующей - "Свече, подожженной с двух сторон", опубликованной в 2009 году. Эта эпистолярная история, состоящая из взаимной переписки в течение 18 (!) лет доктора Инны Львовны Лейдерман и профессора-биолога из Новосибирского университета Сергея Владимировича Сперанского. Тот же "звучащий" стиль, совпадающие оценки явлений литературы и жизни. В своем предисловии к этой превосходно оформленной книге Леонид Беспрозванный, составитель переписки, отмечает, что интенсивный поток писем с двух сторон был значительной частью их духовной жизни.

Это было случайное знакомство. Увидев однажды письмо Сперанского местному поэту, Инна восприняла адресатом его себя самое, как воспринимала "своими" многочисленные цитаты-"цикады", и написала автору. Ее письмо попало по прямому назначению: биолог всерьез увлекался литературой и театром, выступал с лекциями на темы культуры, в том числе и в Ангарске. Так это началось. В двустороннем почтовом потоке были не только письма, а и книги, журналы, целые газеты и газетные вырезки, сувениры, засушенный лист или цветок. Это виртуальное общение прекратилось с уходом Инны Львовны Фруг-Лейдерман из жизни.

Очень важно отметить не просто прекрасное, а и своеобразное (как и текст) оформление книги "Свеча, подожженная с двух сторон". Помимо множества фотографий, в ней копии самодельных художественных конвертов С.В.Сперанского - разновеликих, иллюстрированных по теме письма, с почтовыми марками, близкими данной теме. Между прочим, эта, как и две другие книги, оставленные мне Леной для прочтения, отличаются безупречной грамотностью, что по нынешним временам - редкость. В этом заслуга Милы - хранителя семейных архивов, редактора и инициатора публикаций всего написанного матерью.

Репродукция из книги "Свеча, подожженная с двух сторон". На развороте: фронтовые фотографии Инны Фруг, ее письма. Справа - Инна с отцом незадолго до его ареста

Окончание. Начало на стр.1

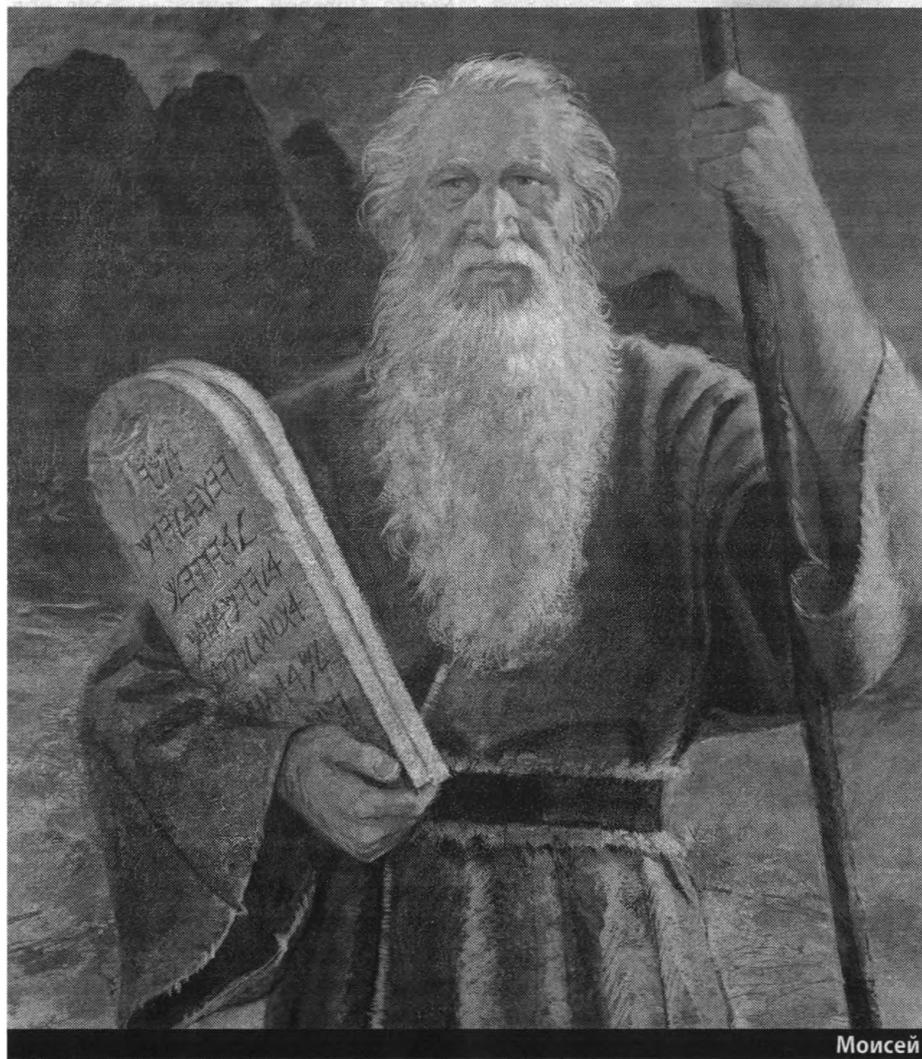
же препятствие к освобождению человека - его рабская зависимость от страха смерти. Поэтому главная задача стоика - достижение равнодушия к смерти. Известен афоризм Зенона: "Зло не может быть славным, смерть бывает славной, значит, смерть не есть зло". Приготовлением души к свободе, прежде всего к свободе от смерти, становится ее "тренировка", аскеза. Этот путь напоминает буддистское отрешение и ведет к отрыву от жизни, вплоть до "воли к смерти". Ведь отказ от связей с миром, в том числе и от любви - а именно она связывает нас с миром! - это самопожертвование, граничащее с самоубийством.

Здесь, на общей "почве" презрения к жизни и отказа от нее, рыцарство смыкается с монашеством (и не случайны орден рыцарей-монахов). Христианская аскеза и вовсе - "подвиг" угнетения собственного тела во имя освобождения "духа", отказа от жизни временной - во имя вечной. Монахи-пустынники, столпники, стратотерпцы - чем не герои, пытающиеся уморить свою смердящую плоть ради чистой и вечной жизни души - искры Божьей? Разве это не подражание Иисусу: убить себя-человека, чтобы возродить себя-Бога? В религиозный мир эллинов Иисус и вошел как герой, добровольно взошедший на крест. И самым привлекательным для античного мира оказался образ человека, через героическое самопожертвование ставшего Богом. Для античного мира главное в христианстве - обожение человека, знакомое язычникам по героической мифологии, а позднее по институту обожествления римских императоров. А поскольку происходит принятие единобожия и замена греческой мифологии сказаниями Ветхого Завета, то герой (Иисус), совершив подвиг самопожертвования, не становится одним из сонма шаловливых богов, не отличающихся от людей ничем, кроме беспечности и бессмертия, а приобщается к Единому Божеству, творцу и царю Вселенной.

Важным дохристианским этапом в синтезе эллинизма и иудейства была "вера" Филона. Освобождение человека для него, как и для стоиков, тоже уход из мира, но не "внутри", а вовне, не "к себе", а "к Богу", причем Богу трансцендентному, больше похожему на Логос стоиков, чем на иудейского Бога живого. Но иудейская "струя жизни" - мистическое стремление достичь с Богом единства, пробивается у Филона и пробивает навывлет эллинское язычество.

2.

Иудеям чужд безудержный индивидуализм эллинов. Бог не только создал человека, Он в динамическом единстве с ним творит жизнь и ведет-воспитывает народ иудейский, как свое орудие миростроительства. Для того позван был Авраам и заключен с ним, и с потомством-родом его, Завет. И человек оказался связан не только с Богом, но и с родом как Божьим творением. Так что при любой степени индивидуации человек, сохраняющий связь с Богом, сохраняет ее и с народом. В такой "упряжке" отвязанный героизм антично-

Моисей

Фото: wikipedia.org

го, а тем более германского типа (ради собственного обожествления) невозможен. Решительность и самопожертвование не исчезают, но они меняют вектор, интенцию, подвигом становится не мятежное отрицание рода и мира, не вызов богам, а наоборот, подчинение Богу как мировой воле. А иудейский Бог ох как своеволен! Но Его воля - не слепая Судьба, у него есть цель, причем воспитательная! Люди не игрушки его, а дети. И Он их воспитывает на судьбе избранных - Авраама, Исаака и Иакова, от коих должен пойти новый народ, а судьба избранных - понять и усвоить уроки Божьи. И принять, что в предложенной связке человек всегда будет ведомым. Героизма в языческом смысле у евреев нет, вместо него - избранность. Поступки могут быть одинаковыми, но интенции противоположны: героизм - от человека, избранность - от Бога.

Личность в иудаизме является не в результате личного подвига - отрыва от рода, а по призыву высшей силы, ее становление начинается с отклика на призыв Бога. В этот момент начинается отсчет Времени, История. Авраам призван отделиться от своего рода, чтобы стать родоначальником нового, Богом избранного. И он откликается на призыв: покидает родину, род, семью. Он оказывается к тому подготовленным! Авраам не с луны свалился и не воплотился по воле Божьей из праха, как Адам, а вышел из Ура Халдейского, из лона шумерской языческой культуры, самой развитой на то время. И не случайно Господь не взял "нового" человека, чтобы написать на нем свои заветы, как на чистом листе, а предпочел палимпсест - человека, приготовленного к новой вере бо-

гатой и развитой языческой культурой. До монотеизма человек должен "созреть". И созревание это идет в недрах язычества. В шумерской культуре было уже все, причем за полторы тысячи лет до греков: государство, гражданская жизнь, жречество, суды, школы, профессиональная армия, промышленность, сельское хозяйство, торговля, литература, философия, протитуция. О степени "индивидуации" в той культуре поведал шумерский эпос, где впервые в истории рассказ о приключениях героя ведется от первого лица! Существовала в Шумере и лирическая поэзия - показатель "современного" самоощущения личности. Посмотрите, как ярко, ярче, чем в Торе (и задолго до нее), почти в форме дневника (!) описывается Потоп:

"Страшно глядеть на погоду было. Я взошел на корабль, засмолил его двери. За смоление судна корабельщику Пузур-Амурри отдал я все богатства... Вся земля раскололась, как чаша. Первый день бушует Южный ветер. Быстро налетел, затопляя горы, настигая людей, как война. Не видит один другого и с небес не видать людей. Боги потопа устрашились, поднялись, удалились на небо Ану, прижались к нему, как псы распластались. Иштар, царица богов, чей голос сладкозвучен, кричит, как в родовых муках. А когда Потоп закончился, и герой, сойдя с корабля, принес богам жертвы, то боги, как мухи, слетелись к жертвеннику".

Боги, как псы, в страхе распластавшиеся на небесном своде, как на ковре, боги как мухи! В этом эпосе человек явно не испытывает к ним излишнего благоговения.

А вот еще отрывок из эпического сказания о Гильгамеше, вполне в духе эпикурейства. Гильгамеш закручинился о бессмертии, и его утешает некая торговка вином:

"Жизни, что ищешь, не найдешь ты. Боги, когда создавали человека, смерть они определили ему, а жизнь в своих руках удержали. Ты ж, Гильгамеш, насыщай желудок, днем и ночью да будешь ты весел, праздник справляй ежедневно, днем и ночью играй и пляши ты! Светлы да будут твои одежды, волосы чисты, водой омывайся, гляди, как дитя твою руку держит, своими объятиями радуй супругу - только в этом удел человека", - вполне современный эгоистический гедонизм, не верящий ни в бога, ни в черта.

Этот удел не предусматривает ни власти над миром, ни партнерства, пусть и младшего, с его Создателем. Он не предусматривает выхода из круговерти смертей и рождений.

Аврам покидает высокоразвитую индивидуалистическую культуру и уходит в неизведанное, становится Авраамом. В личности Авраама налицо все признаки героя, и не зря Кьеркегор называет его рыцарем веры. А в Талмуде одно из имен Бога - Гвур, что означает героизм (тот же корень и для слова "преодолеть", и для слова "мужчина"). Здесь и уход в неизвестность (по сравнению с таким приключением плавание к Колхиде просто прогулка), и готовность принести в жертву сына, и настоящие споры с Господом о праведниках в Содоме и коллективной вине. Чтобы решиться на такой спор, надо быть воистину на высоте самоуверенности в свою избранность, в свое партнерство с Создателем, вплоть до самопожертвования. Только новая вера переставляет акценты, жертвенность здесь особого рода, в ней нет самоутверждения. Героическое одиночество Авраама лишено гордыни (от которой задыхаются, так их распирает, греческие и особенно германские герои), противопоставления себя миру и Богу. Встав на героический путь странствий и приключений Авраам не испытывает "тоски индивидуации", потерянности, отчуждения, страха. Не гордыня в его подвигах, а смирение. Пока он в мире с Господом, пока "непорочен", он в мире с людьми и природой, он под высочайшим покровительством. И, покинув родню и родину, Авраам не становится взбесившимся от одиночества индивидуалистом, наоборот, становится родоначальником, патриархом нового рода и новой веры.

Стало быть, иудейская вера предлагает иной способ решить проблему индивидуации. Можно сказать, что иудаизм есть контрреволюция родового начала против бессмысленности и гибельности индивидуализма. Здесь нет даже того "наигранного" возвращения в лоно рода и мира, этой неизменной пьесы на сцене трагического театра, когда зритель хоть и знает, что родовые связи невозвратно распались, но невольно испытывает катарсис - счастье слияния с миром и напоминание о золотом веке, несущее постоянно возобновляемое облегчение ноши одиноче-

Илья Репин. "Иов и его друзья". Фрагмент картины

ства и затерянности. Но Авраам, уже переживший, осознавший и принявший распад рода, выбирает не героическое обособление, а кладет начало новому роду племени, связанному не кровью, а призыванием - ходить путями Господними. Именно так надо понимать требование Господа принести в жертву Исаака: Авраам должен принести в жертву родовое начало во имя слепого и полного подчинения призыванию, зову Бога! И за это самоотречение герою даруется основание рода нового, неслыханного, не возвращающегося на круги своя, а творящего историю, идущего за своим Пастырем. Так Авраам становится иудеем, отцом нового народа, с совершенно иными "скрепами", народа, где нет героев-бунтарей, но все личности, ибо каждый еврей, родившись, должен снова ответить на зов. Да и неизвестно еще, кто кого позвал. Взаимоотношения Бога и Авраама вызывают пугающее ощущение, что человек "выше" Бога как личность, а в силу смертности своей - даже величественнее. В споре о праведниках в Содоме Господь выглядит как юный царь, полный своевольного гнева, а Авраам - как опытный, мудрый и почтительно-настойчивый советник. Но в нем нет "вызова" Богу, хотя он и спорит с ним.

Если посмотреть на главные героические фигуры в истории евреев, то Моисей никак не похож на героя в языческом смысле: в его самоощущении нет отделения от рода, нет вызова ни миру, ни Богу, нет трагизма. Моисей не бунтарь, а исполнитель воли Божьей. Его пафос - послушание. И он не себя спасает, а народ, причем вполне конкретно: выводит из "дома рабства" на просторы свободы.

Из всех персонажей Библии Самсон-богатырь ближе всех к языческому типу

героизма, его удел война, и не случайно он монах "от чрева матери" - назорей. Он воюет с язычниками филистимлянами, но и жен своих берет у язычников, и сам похож на язычника, образ его - смесь бесшабашности и мстительности. Народ восхищается им и выбирает Судьей, но Господь, избравший его на подвиги войны, в конце концов от него отворачивается, и Самсон погибает, обрушив на себя и дворец, и пирующих филистимлян. Мавр сделал свое дело, мавр может уйти - таково отношение к нему Господа. "Иудейскую" оценку такого рода героизму дает сам богатырь, взглянув на убитого им льва, превращенного пчелами в улей с медом: "Из пожирающего вышло съедобное, из силы великой - сладость".

Настоящий вызов Богу и всему миропорядку бросает только Иов, и в этом отношении его можно считать образцом иудейского героя. Ведь на судьбу глупо роптать, а на Отца-Пастыря своего - сам Бог велел. И в этом ропоте, даже бунте, весь тайный смысл их живой связи: страдания твои не случайны и не бессмысленны, но их смысл сокрыт от смертного. И бунт Иова сменяется умудренной покорностью. Книга Иова - своего рода спор с героикой эллинизма, противопоставление ей нового типа жертвенности: отдельная жизнь - лишь часть общего замысла и жертва во имя этого замысла. Как пишет А.Ф.Лосев, имея в виду именно индивидуальную жизнь: "жизнь с начала до конца, от первого до последнего вздоха, на каждом шагу и в каждое мгновение, жизнь с ее радостями и горем, с ее счастьем и с ее катастрофами, есть жертва, жертва и жертва".

3.

Если для античного язычества характерен героизм индивида во имя его собст-

венной славы, а для ТАНАХа - во имя народа, то христианство, смыкаясь в этом с буддизмом, вообще исключает героизм как античного типа, во имя себя любимого, так и героизм во имя народа (иудейский). "Во Христе" вообще нет никаких народов, "несть эллина и иудея", "все вы одно во Христе Иисусе" по словам Павла. Девиз христианства - смирение и покорность: "Говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему левую" - учит Иисус. Оторвавшись от мира, античный человек спасается покорением мира, иудей - поиском гармонии с миром, а христианин - уходом от мира. Этот уход обусловлен и апокалипсическим характером христианской проповеди: "Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное" (Мф. 3-2) и не заботьтесь о завтрашнем дне. "Дети! Вот время последнее, - учит апостол Иоанн. - Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все что в мире: похоть плоти". И если иудейская гармония с миром основана на верности родовой жизни, то Иисус ее отменяет: "Ибо кто будет исполнять волю Отца Моего небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать" (Мф. 13-50). Ученику же, попросившему похоронить отца, прежде чем пойти с Иисусом, Он говорит: "Иди со мной и предоставь мертвым хоронить своих мертвецов" (Мф. 8-22).

Иудей не мог принять такое вероучение, поскольку его взаимоотношения с Богом стоят на родовой основе. Эта приверженность родовому началу и до сих пор служит основой обвинения евреев в "партикуляризме", "национализме", "расизме" и т.д. Любопытно, что пишет о "родовом" А.Ф.Лосев, выдающийся русский философ, христианин и антисемит: "Жизнь индивидуумов - это и есть жизнь рода. В

человеке нет ничего, что было бы выше его рода. В нем-то и воплощается его род. Воля рода - сам человек, и воля отдельного человека не отлична от воли его рода. Конечно, отдельный человек может стремиться всячески обособляться от общей жизни, но это может означать только то, что в данном случае приходит к распадению и разложению жизнь самого рода".

Самая что ни на есть иудейская точка зрения! А что касается "антисемитизма" философа, то замечу "в скѣбках", что он направлен в основном на тех евреев, которые стремятся "всячески обособляться от общей (в смысле родовой еврейской) жизни", и прилепиться к "всеобщему". Суждение Лосева об этом "всеобщем" убийственно едко: "Великие мыслители Нового времени доходили до больших обобщений, но ни в "мышлении" и "протяжении" Декарта, ни в монадах Лейбница, ни в боге Спинозы, ни в трансцендентальной апперцепции Канта, ни в абсолютном "Я" Фихте, ни в Мировом духе Гегеля нет этого родного, этого родственного, этого отцовского и материнского начала... Это - холодные, абстрактные истуканы рассудочной мысли, головные построения, которые не волнуют человека, не будят в нем жизненных сил и страстей... человек - чужой всему этому; и трансцендентальная апперцепция как темная, злобная и свирепая тюрьма духа гноит человека, безжалостно и по-звериному гложет его и умерщвляет - в одиночестве, в покинутости, в застенке собственной субъективности. ... Ее (этой кантианской философии. - Н.В.) "обобщения" слишком узки и ничтожны; ее "познание" слишком нежизненно, ее "мир" и "бытие" - пустота и тюрьма... безличное раскаяние живого духа на Голгофе собственного жалкого самобожествления".

ИСКУССТВО, С КОТОРЫМ НАС РАЗЛУЧАЮТ

Алек Д. Эпштейн хорошо известен читателям нашего ежемесячника своими монографическими статьями о художниках Израиля и еврейской диаспоры. В этот раз он, однако, изменил традиции, чтобы, обобщив свой опыт исследователя и историка израильского общества и созданного в нем искусства, поделиться с читателями мыслями о наболевшем...

Алек Д.ЭПШТЕЙН

Так сложилось, что в Иерусалиме я оказался, будучи уже, в целом, сформировавшимся человеком, когда мне шел шестнадцатый год, но чувство местного патриотизма отнюдь не чуждо мне, а потому каждый раз, принимая или просто встречаясь с гостями, приезжающими в Израиль на тот или иной срок, хочется показать им страну, с которой уже двадцать восемь лет назад наша семья связала свою судьбу, с наилучшей стороны. Так как из приезжих иврит не знает почти никто, ибо ни в одной стране, кроме Израиля, этот язык фактически не используется, посещение драматических театров оказывается невозможным; в России туристов традиционно водят на балет, но в Израиле нет ни одного театра, где какая-либо балетная постановка исполняется не под фонограмму - ну, все можно так или иначе объяснить, но дорогих гостей не поведешь в ресторан, в меню которого - осетрина "второй свежести", поэтому и этот вариант отпадает. Хороший оперный театр есть в Тель-Авиве, но спектакли там идут не ежедневно, причем каждый месяц в репертуаре представлена лишь одна постановка, повторяющаяся в среднем раз пятнадцать, после чего следует в среднем двухнедельный репетиционный период перед новым спектаклем, поэтому даже если туда гостей и поведешь, то максимум один раз. Остаются музеи - их в Израиле много, причем в фондах двух лучших из них - Израильского музея в Иерусалиме и Тель-Авивского музея искусств - хранятся исключительные работы важнейших художников XIX-XX веков, в том числе Клода Моне, Огюста Ренуара, Пабло Пикассо, Амедео Модильяни, Марка Шагала, Хаима Сутина, Рене Магритта и других. В эти музеи всегда приятно пойти с гостями, гордо отмечая, насколько в молодом и находящемся, очевидно, на географической периферии западной цивилизации Израиле собраны прекрасные коллекции европейского искусства.

Проблемы возникают в тот момент, когда любознательные гости, деликатно замечают, что работы всех этих классиков они уже видели много где, а потому их особенно интересует то, что в музеях других стран особенно не посмотришь - искусство непосредственно израильское, то, что в стране не только хранится, но было в ней создано. И вот тут-то... С моей точки зрения, отделы местного искусства в музеях обеих наших столиц представляют собой форменное издевательство и над зрителями, и над здравым смыслом, и над прошлым и настоящим израильской культуры. Искусство, созданное в Палестине/Эрец-Израэль до 1948 года - даты провозглашения израильской государственности, - представлено в этих музеях, хотя и крайне сжато, но все-таки заслуживающим уважения образом: работы Нахума Гутмана, Реувена Рубина,

Мордехая Леванона, Моше Кастеля, Марселя Янко, Йоханана Симона позволяют оценить влияние на эрец-исраэльскую живопись венского модернизма, художников еврейского и нееврейского Монпарнаса, немецких экспрессионистов, итальянских футуристов, а также дадаистов и социальных реалистов. А вот дальше начинается полная катастрофа, ибо оказывается, что все семь десятилетий израильской государственности изобразительное искусство страны состояло исключительно из третьестепенных эпигонов американского абстракционизма, с одной стороны, и арт-движения "Флуксус" - с другой, как будто израильские художники умеют делать инсталляции, произведения в жанрах реди-мэйда и видео-арта, но ничего достойного в тех трех видах искусства, вдохновляемые которыми зрители обычно и ходят в художественные музеи - живопись, графика и скульптура - не создавали вообще.

Понятно, что в наши дни никто не ждет от художников работ в стиле классицизма или ориентализма, как понятно и то, что жанры и рамки изобразительного искусства, а тем более его стиливое многообразие сегодня существенно шире, чем когда-либо прежде, но я убежден в том, что живопись была, есть и будет сердцем и остоном пластических искусств. Приходя в художественные музеи, люди ждали, ждут и будут ждать встреч с художественными полотнами, все остальное может быть дополнением к ним, но отнюдь не заменой. Скажу больше: век абстракции (а начавший его "Черный квадрат" уже отметил столетие со дня своего рождения) показал, насколько важна именно фигуративная живопись, ибо, когда нужно было выразить самые острые, глубокие, искренние чувства, то Пикассо создал "Гернику", Дали - "Загадку Гитлера", а Шагал - триптих "Спротивление, возрождение, освобождение"; на месте ни одной из этих картин невозможно представить себе очередную безымянную абстракцию, геометрическую или экспрессионистскую. Работы Казимира Малевича и Пита Мондриана, Марка Ротко и Джексона Поллока открыли "горизонты конца" изобразительного искусства, и неслучайно те, кто пришли вслед за ними, провозгласили "смерть картины". Однако, как это нередко бывает, слухи о смерти оказались сильно преувеличенными, и выставки мастеров фигуративной живописи собирают полные залы и огромные очереди, о которых никто из абстракционистов, создателей инсталляций и видео-арта не может и мечтать.

В Государстве Израиль было и есть немало замечательных живописцев, произведений которых, репродуцированные в книгах и альбомах, вызывали восторженный отклик ценителей искусства, которым я эти книги и альбомы показывал, но этих работ не увидишь ни в одном из израильских музеев, а этих изданий не найдешь в музейных кио-

Бейниш Мининберг, "Домик на берегу озера"

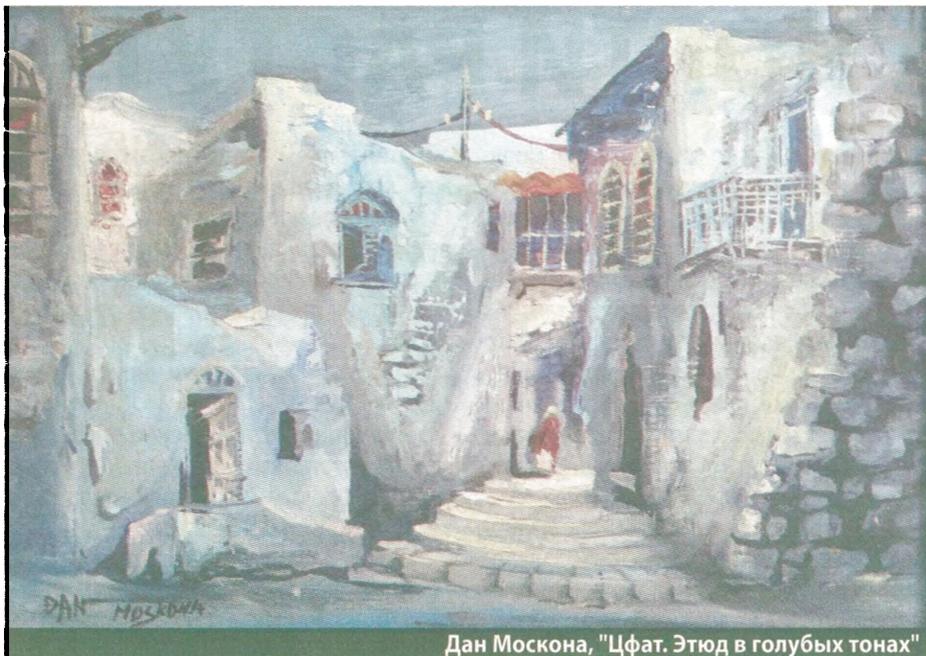
сках. История израильского искусства, с моей точки зрения, извращена и вывернута наизнанку кураторами и галеристами, вырванными таким образом непреодолимый ров между большим искусством, которое остается недоступным зрителям, и его ценителями, которые не могут найти в отделах современного искусства ничего достойного внимания. Таким образом, в общественном сознании складывается ничем не оправданная концепция, согласно которой настоящее искусство осталось исключительно в прошлом, тогда как в настоящем лишь всевозможные экспериментаторы с большим или меньшим рвением развивают те или иные, как правило, не ими найденные находки, которые могут оценить лишь их коллеги по ремеслу. Оскар Яковлевич Рабин, о котором мне посчастливилось написать книгу, как-то шокировал меня выраженным им мнением о том, что в наши дни едва ли не главные враги художников - это музейные кураторы. Думая об этом на протяжении нескольких последних лет, я бы добавил и то, что эти кураторы являются главными врагами зрителей, ибо музеи важны им не меньше, чем они важны творцам, надеющимся увидеть в них созданные ими произведения.

Музеи перестали быть местом встречи художников и ценителей их произведений: ни разу мне не довелось видеть ажиотажа на выставке кого-либо из ныне живущих живописцев, тогда как в очередях на выставки Тёрнера, Писсарро, Сезанна, Коровина, Серова, Шагала, Магритта и Дали я, как и тысячи других зрителей, провел многие часы. Значит ли это, что в наше время нет ярких художников-маринистов, создателей проникновенных лирических пейзажей, мастеров психологического портрета, живописцев, переосмысляющих в своем искусстве революции, войны и Холокост? Конечно же, такие живописцы есть, однако их работ не увидишь в музеях - я подозреваю, что такая ситуация существует не только в Израиле, но об Израиле я могу говорить со знанием дела, называя имена конкретных живописцев, графиков и скульпторов, работы которых я видел и чьи биографии изучал.

В публикациях по истории израильской культуры не раз указывалось, что 1948-й год был поворотной вехой не только для израильской политической истории, но и для литературы и искусства страны. Вопрос, одна-

ко, состоит в том, в какую именно сторону был совершен этот поворот. В литературе с этим годом связывают так называемое "поколение ПАЛЬМАХА", однако стоит заметить, что единственный Нобелевский лауреат из израильских писателей, Шмуэль-Йосеф Агнон, к этой группе писателей, очевидно, не только не принадлежал, но даже ей эстетически противоречил. Художникам Нобелевских премий, к сожалению, не дают, и против "лома" доминирующего вектора никакого "приема", у тех, кто в этот вектор вольно или невольно не вписывается, нет. В 1948 году началась новая веха в израильской живописи - возникла группа "Офаким хадашим" ("Новые горизонты"), представители которой ориентировались в своем творчестве преимущественно на абстрактный экспрессионизм. Во второй половине 1940-х годов в израильской живописи произошел резкий поворот от фигуративности к абстракции, и владельцы этой новой художественной моды без сантиментов готовы были сбросить всех, кто в эту моду не вписывался, с корабля современности. Именно тогда израильское изобразительное искусство лишилось естественной преемственности, ибо работы абстракционистов (в предшествующие годы многие из них рисовали совершенно иначе) ничем не напоминали ни наивный ориентализм Абеда Панны, ни тель-авивские средиземноморские пейзажи Нахума Гутмана, ни воздушные галилейские пейзажи Реувена Рубина, ни колористически насыщенные композиции, запечатлевшие мир еврейской общины Цфата, созданные Моше Кастелем, ни даже киббуцные зарисовки Йоханана Симона, воспевавшие человека труда. "Новым горизонтом" израильского искусства была объявлена живопись, никак не связанная ни с еврейской историей, ни с Израилем, происходившими в нем процессами и переживаниями его населения, заметную часть которого составляли новые иммигранты, уцелевшие в годы Холокоста, в огне которого погибли многие их родные и близкие. Даже пейзажная живопись была отвергнута, хотя к тому времени большинство городов и поселков, берегов морей, рек и озер, цветущих долин и пустынных склонов гор на территории Израиля никогда еще не были запечатлены на холстах художников.

Это сбрасывание "искусства вчерашнего дня" с "корабля современности" сыграло с

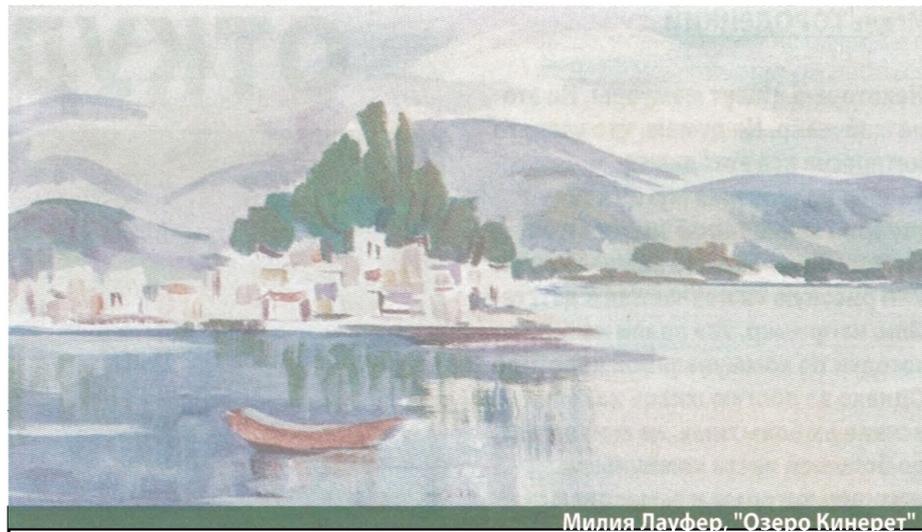
Дан Москона, "Цфат. Этуд в голубых тонах"

деятели "Новых горизонтов" довольно злую шутку. Показательна в этой связи судьба Якова Векслера, творческий путь которого его сын определил как "дорогу от фигуративной живописи к абстракции - и обратно". Этот самобытный художник, на протяжении семнадцати лет бывший ректором Тель-Авивского художественного института им. Авни, именно вследствие своего возвращения к фигуративности был исключен из израильского художественного канона, и сегодня ни в одном из музеев страны его работы не экспонируются. За "избыточную фигуративность" та же судьба несправедливо постигла и работы Цви Меировича, также входившего в число основателей "Новых горизонтов". Не будет преувеличением сказать, что в израильских музеях не представлены практически никакие из направлений, существовавших и существующих в изобразительном искусстве страны после обретения ею политической независимости. Посмотрев сравнительно небольшую экспозицию израильского искусства в Иерусалимском музее и намного большую - в новом корпусе Тель-Авивского музея, может сложиться впечатление, что среди местных художников после 1948 года нет и не было ни реалистов, ни импрессионистов, ни экспрессионистов, ни кубистов, ни сюрреалистов, что никто не запечатлевал ни Иерусалим, ни Цфат (и это притом, что именно там на протяжении десятилетий находился единственный в стране "квартал художников"), ни, боже упаси, "оккупированные" Синайский полуостров, Голанские высоты, Иудею, Самарию и Иорданскую долину, и что израильские художники никогда не пытались осмыслить и переосмыслить жизнь евреев Европы до Второй мировой войны и ее разрушение, а лишь плелись в хвосте более или модных поветрий американского абстракционизма. Как же это, однако, на самом деле далеко от истины!..

Я убежден, что никакое искусство не может утвердиться в качестве значимого в мировом масштабе, если оно просто механически следует тропами, протоптанными первоходцами в других странах, не привнося в них никакого уникального содержания. Израильские художники значимы в глобальном контексте потому что тогда, когда они подражают новейшим течениям американского искусства (никому в США или где бы то

ни было еще эти израильские подражатели не важны - и важны не будут), а тогда, когда они привносят в мировое искусство что-то уникальное и неповторимое, пусть даже оно кажется "несовременным". С самого начала XX века - и по сегодняшний день - в искусстве одновременно сосуществуют самые различные направления и стили, причем самые новые нередко оказываются новым витком отнюдь еще не забытого старого, ведя диалог с работами Малевича, Мондриана или Марселя Дюшана, а видео-арт иногда не без оснований кажется возвращением к самым первым опытам немоего кино. Важно, чтобы, приходя в музеи, зрители имели возможность увидеть всю эту плюралистичную гамму, однако именно этого они как раз лишены.

Каждый раз, "сталкиваясь" (обычно не в музеях, а в небольших частных галереях) с произведениями искусства, проникавшими, порой даже вопреки моей воле, в душу и не покидавшими сознание, мне хотелось узнать как можно больше о создателях этих чудесных работ, по возможности, познакомиться с ними, а если оказывалось, что их уже нет в живых, то с их родными. Найти этих родных бывало порой очень непросто, особенно когда речь шла о дочерях, носящих фамилии своих мужей, а не родителей. Так, несмотря на все мои усилия, мне не удалось найти близких Иехуды Родана, Адольфа Адлера, Ципоры Бреннер и Иоэля Таль-Мора, не говоря уже о наследниках скончавшегося в Уругвае Зомы Байтлера, однако в домах многих других я побывал - и их рассказы стали основой последующих публикаций об искусстве и жизни их родителей. Однако наибольшую радость мне, конечно, давали встречи непосредственно с самими художниками, особенно с теми, с кем мы вместе работали над теми или иными статьями или книгами; в процессе этой работы я узнавал этих людей так, как не мог бы узнать ни на какой выставке. Кто и когда писал - на каком угодно языке - о Дане Москоне, Мили Лауфер или Бейнише Мининберге, репродукции прекрасных работ которых воспроизведены на этих страницах? Кто читал о них, кроме читателей моих статей в "Еврейском камертоне"? И именно потому, что об этих тружениках искусства никакой информации не было даже в информационном центре Израильского музея, мне и казалось столь важным разыскать их (Дан Москона жив и здравствует) и их родных, ре-

Милия Лауфер, "Озеро Кинерет"

конструировать хотя бы в основных чертах их творческие биографии...

Посещение студий художников, о которых я писал, позволило мне увидеть огромное количество работ, значительная часть из которых нигде и никогда не выставлялись - либо же выставлялись многие годы назад. Несколько лет назад я увидел - и тут же купил - прекрасный альбом фотографий, сделанных знаменитым мэтром глянцевого журнализма Александром Либерманом в студиях величайших художников первой половины XX столетия; меня очень удивило, что, как я прочел в книге воспоминаний его падчерицы, его визиты в студии этих живописцев и скульпторов были очень короткими и продолжались всего час. Мои визиты к художникам, работы которых меня влекли, были, как правило, существенно более длительные, и хотя по пять-шесть часов длились лишь в исключительных случаях, редко продолжались менее двух-трех часов.

Я общался с замечательными живописцами, которые, в большинстве своем, были очень пожилыми людьми, на работах которых продолжали наживаться перекупщики, но которые сами, в общем, были современниками (а нередко, и собственными более молодыми родственниками) едва ли не забыты... Не все, о ком я писал, были людьми, с которыми просто и приятно было общаться... Я, однако, всегда писал о художниках на достаточно почтительном расстоянии, видя свою роль исключительно в том, чтобы наилучшим образом представить их труд своим читателям. Мне всегда казалось неправильной ситуацией, при которой искусствоведы и культурологи строят свои карьеры за счет художников, о которых они делали свои публикации. Я уверен, что героями любой публикации об искусстве являются сами художники - искусствоведение же, используя термин историка немецкого Просвещения И.К.Гаттерера, является дисциплиной вспомогательной, призванной помочь творцам произведений найти наилучший путь к как можно большему числу потенциальных зрителей.

Мне доводилось писать о Валентине Серове и Анри Матиссе - корпус литературы, посвященной этим выдающимся мастерам, огромен, а потому нет никакой опасности, что мой текст, оказавшись он даже самым неудачным, отвратит кого-либо из возможных зрителей и почитателей их гения от их искусства, однако, когда героями публикаций становятся талантливые живописцы, не получившие той известности, на которую они по

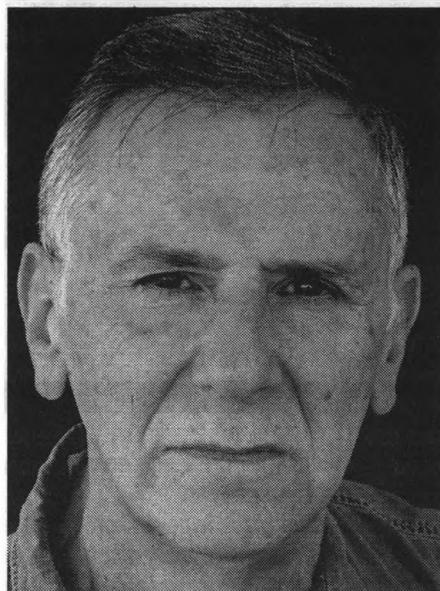
праву могли бы рассчитывать, то ответственность пишущего о них автора несравнимо выше. С одной стороны, это очень окрыляет, ибо ты чувствуешь, что в определенной мере расширяешь художественные горизонты своих читателей, привнося в них неизвестные им прежде имена и репродуцируя работы, которые они никогда прежде не видели. С другой стороны, подобная ситуация налагает на культуролога и искусствоведа очень большую ответственность, ибо, будучи первым или одним из первых авторов, пишущих о том или ином живописце, ты вольно или невольно формируешь призму, сквозь которую его работы будут восприниматься зрителями. Учитывая, что книги и статьи о многих художниках, которым я посвящал свои тексты, издавались последний раз достаточно давно или не издавались вообще, мои о них публикации нередко оказываются единственными, которые находит пользователь, заходя в поисковые компьютерные программы.

Когда я начал писать о художниках, то видел свою задачу в том, чтобы способствовать популяризации искусства художников "русского Израиля", чтобы их творчество стало известным не только их друзьям и знакомым. Сравнительно скоро я, однако, понял, что отсутствие возможности встретиться со зрителем - проблема не только для художников - русскоязычных иммигрантов, но и для всех, кто не был включен в сформированный кураторами канон, в котором в принципе практически не осталось фигуративной живописи. В Израиле, увы, нет никаких правовых норм, обязывающих галереи и аукционы платить хоть какие-то деньги авторам перепродаваемых ими работ, а потому, хотя работы этих живописцев практически ежемесячно появляются на торгах, сами творцы совершенно забыты теми, кто наживается на их искусстве. Почти все художники, публикации о которых я готовил, - уроженцы Восточной Европы, в подавляющем большинстве своем в разные годы связавшие свою жизнь с Израилем. Эти люди создали в Израиле сотни замечательных произведений, и я вижу свою миссию в том, чтобы, насколько можно шире рассказать современникам и потомкам об их подвижническом творческом труде. Я верю, что воссоздание этой матрицы подлинного искусства поможет израильтянам гордиться художниками своей страны, а посетителям из-за рубежа - воспринимать израильскую культуру не как американские задворки, а как сокровищницу самобытных талантов. Очень надеюсь, что мы до этого времени когда-нибудь доживем.

Игаль ГОРОДЕЦКИЙ

ОТКУДА НОГТИ РАСТУТ

Некоторые пишут мемуары. Но это не мой жанр. Не думаю, что кому-то интересна вся эта "давид-копперфилдовская муть", как говорил юный герой знаменитой книги: какую именно кашу - манную или рисовую - я ненавидел в детстве. Или, например, как звали наших соседей по коммунальной квартире. Однако за долгую жизнь накопились всякие любопытные, на мой взгляд, по большей части комичные, истории, которые и осмеливаюсь предложить читателю. Все описанные события происходили в действительности. Ну, возможно, я кое-где кое-что приукрасил.

Работа наша такая. Одно время наша семья жила рядом с женским общежитием шарикоподшипникового завода. Это малоприятное соседство причиняло много неудобств: из окон общаги неслись пьяные крики, визг, громко играла музыка. Случалось, что воздыхатели живших там работниц, сильно перебрав, падали с балконов и пожарных лестниц.

Однажды вечером моя теща, гуляя с внуком вокруг нашего дома, обратила внимание на то, что около общежития стоит несколько милицейских машин. Она подошла к сидевшей у подъезда вахтерше и сказала:

- Как хорошо, что милиция будет тут дежурить, а то совсем житья не стало.

- И, милая! - с охотой вступила в разговор вахтерша. - Это они тут у девок ночуют...

Критерий нарастал. Мой приятель Валера Яковлев, о котором я уже рассказывал, написал сценарий документального фильма "День города", посвященного бурной жизни центра Москвы (идея явно заимствована у Вальтера Рутмана). Он читал свой опус на одном из занятий кинокружка при Доме кино, где состояли почти все мои друзья.

Валера любил говорить красиво. Пытаясь выразить мысль, что к вечеру темп жизни города резко убыстрится, он употребил выражение "критерий нарастал".

- Ну да, - пробормотал кто-то из слушателей. - Маразм крепчал - критерий нарастал.

Сценарий Валеры быстро забыли, но это выражение прославил его на всю Москву.

Член дома. В Московский Дом кино попасть постороннему не было никакой возможности. Строгие контролеры пропускали только тех, кто имел членские билеты. Особенно свирепствовал один администратор. Перед просмотрами дефицитных западных фильмов он вставал в дверях и сурово вопрошал каждого:

- Член Дома?

Люди покорно предъявляли свои книжечки. Только один актер громко ответил хорошо поставленным голосом:

- Почему же дома? С собой.

Как всегда - "отлично". Я учился в

МГПИ имени Ленина (сейчас, если не ошибаюсь, Государственный педагогический университет). Парней на нашем отделении русского языка и литературы было мало, и выглядели они далеко не браво. Девчонки обращали внимание в основном на доцентов и ассистентов. В конце концов, и профессора можно было у жены увести.

Особенно выделялась в нашей группе некая Лена - статная синеглазая красавица. Мужиков она оценивала по особой шкале:

- Как тебе этот? - спрашивали подруги.

- Ничего, посидели в "Арагви".

- А тот?

- Угостил котлеткой в буфете, - выразительно пожимала плечами Лена.

На экзаменах она появлялась без учебников и конспектов и всегда шла последней.

- Ленка, ты рискуешь, - говорили подруги. - В конце дня все они усталые и злые.

- Ничего, девочки, не беспокойтесь, - отвечала Лена, расстегивая верхнюю пуговку блузки.

- Ну как? - интересовались однокурсницы, когда она выходила от очередного доцента.

- Конечно, "отлично"! - презрительно бросала Лена, поправляя перекрученную юбку.

Между прочим, она единственная из нашей группы поступила в аспирантуру и впоследствии уехала преподавать русский язык то ли в ГДР, то ли на Кубу.

Коммунизм по-израильски. Центр абсорбции, где по приезде в Израиль поселили нашу семью, довольно часто устраивал для новых репатриантов поездки по стране. Одной из первых была экскурсия в кибуц. Нам показали отлично налаженное хозяйство, дома кибуцников, затем пригласили в столовую. И там мы обнаружили, что из нескольких крабов, вделанных в стену, течет холодная газированная вода. Бесплатно! Всегда! "Ребята, - сказал кто-то из нашей группы, наливая себе пятый стакан (был очень жаркий день), - теперь я понимаю, что такое коммунизм".

Земляки. Как-то раз я отбывал милуим (так называется на иврите резервистская служба) в славном арабском городе Туль-Карме. Как-то меня послали сторожить арабов, задержанных по подозрению в пособничестве террористам. Их таскали на следствие, а я охранял тех, кто ждал своей очереди на допрос. Офицер связал им руки пластиковыми наручниками, велел мне вставить в автомат магазин и ушел. Десять минут прошли в молчании.

- За что тебя задержали? - не выдержал я и спросил одного из арабов, человека лет тридцати пяти, довольно интеллигентного вида в тонких золотых очках.

- Ребенка вез в больницу, нарушил комендантский час.

Я усмехнулся стандартному ответу.

Тут вдруг араб говорит мне на вполне приличном русском языке:

- Ты где жил в России?

- В Москве.

- Красивый город. Я там учился. Вообще-то я врач, но пока еще не открыл клинику. Денег нет, жду, когда родня поможет.

Выяснилось, что в Москве мы жили на одной улице. Я в своем кооперативе, а он в общежитии университета имени Патриса Лумумбы. Наверное, по утрам в одном автобусе давились...

Этот случай живо напомнил мне историю, которая через несколько лет после описываемых выше событий произошла с моим другом (ныне, увы, покойным), репатрировавшимся в девятых годах прошлого столетия. Назовем его Наум. Человек холостой, он познакомился с симпатичной светловолосой девушкой по имени Дина и пригласил ее к себе. А жил он в то время (как и я двумя годами раньше) в поселении Санур в Самарии, созданном художниками, скульпторами и другими мастерами образительного искусства, в основном выходцами из СССР.

Из Иерусалима до Санура часа полтора езды по прямой - через Шхем, - но так в то время решались ездить немногие. Правда, обстреливали израильские машины еще редко, но камень в стекло или бутылку с зажигательной смесью получить можно было запросто. А это иногда похуже пули. Наша пара избрала более безопасный кружной путь. Мой друг машину не водил, за руль села Дина. Выехали под вечер, и, плохо зная дорогу, быстро заблудились. Уже в полной темноте, поплутав по пустынным шоссе, заехали в небольшой, плохо освещенный городок (это как раз был Туль-Карем).

Окончательно запутавшись, остановились на маленькой площади. В тридцати метрах от их машины расположилась группа молодых, оживленно беседующих, судя по экспансивным жестам, арабов. Кроме них на площади никого не было. С появлением машины с желтыми номерами арабы замолчали и уставились на нее.

- Подойди к ним, спроси дорогу, -

обратилась к Науму девушка, совсем свежая "ола хадаша" (новая репатриантка).

Мой более опытный - или, вернее, более информированный, - друг не двинулся с места, сжимая в кармане перочинный ножик, их единственное оружие на двоих.

- Ну, давай же, а то они уйдут! - недоумевала Дина.

- Хрен они уйдут, - мрачно пробормотал Наум, готовясь дорого продать свою и Дины жизни. - Заведи двигатель и закрой окна. Жди меня здесь.

С этими словами он открыл правую дверцу и выпрямился, сунув руку в карман джинсов. Так и стоял, не решаясь сделать шаг, как будто машина представляла собой надежную защиту.

Прошло несколько секунд, показавшихся Науму, как пишут в дешевых романах, вечностью, и тут он увидел, что от группы арабов отделился высокий плечистый человек и быстро двинулся к автомобилю. Наум сильнее сжал в кармане нож. Человек приблизился, оглядел Наума, сидящую за рулем девушку и что-то быстро спросил на иврите. А может, на арабском. Товарищ мой настолько плохо знал еврейский язык, что ему было все равно. И тут Дина, забыв или проигнорировав предупреждение Наума, опустила стекло, высунула свою русую головку, улыбнулась арабу и спросила Наума:

- Что он сказал?

Наум не успел произнести и словечка, как лицо араба расплылось в улыбке.

- Заблудились, ребята? - спросил он по-русски, понимающе качая головой.

Стоит ли нагромождать подробности? Разумеется, веселый араб оказался "земляком". Он не только проводил Наума и Дину на своей машине до самого Санура, но и одарил свежими лепешками с хумусом и взял у них клятвенное обещание заехать к нему в гости.

По закону жанра здесь положен хэппи-энд. Что-нибудь в таком духе: Наум и Дина поженились, в Сануре сыграли замечательную свадьбу, на которой среди почетных гостей восседал тот самый араб. Однако я не рассказ пишу. У Господа свои планы. Не сложилась наша пара, расстались они вскоре после этой поездки. Да и деревни художников больше нет - поселенцев выгнали, а Санур отдали так называемой Палестинской автономии. Но та ночь - после всего пережитого - была у нашей пары такой яркой, нежной, страстной, что запомнилась моему бедному другу на всю оставшуюся ему жизнь. Надеюсь, и Дине тоже.

Все в мире относительно. Отдыхали мы как-то в Эйлате. В сентябре. Температура около сорока градусов в тени, но у воды жара не ощущается, а в гостинице есть, разумеется, кондиционер. Возвращаемся мы в первый день с моря и чувствуем, что в номере душно. Кондиционер, что ли, неисправен? Смотрю: регулятор температуры переведен с двадцати двух градусов на тридцать. Ладно. Восстановил я нормальную

температуру, а назавтра все повторилось...

Тут я догадался, чьих это рук дело. Убирал у нас в номере суданец. При двадцати двух градусах ему было очень холодно. Вот он и устанавливал комфортную - для себя - температуру.

Бывает ли тридцатиградусная водка? В "Собачем сердце" Булгакова есть сцена, когда Преображенский и Борменталь обедают. И, как все порядочные люди, пропускают по рюмке водки. Наливая профессору, Борменталь освещался:

"- Новоблагословенная?..

- Бог с вами, голубчик, - отозвался хозяин. - Это спирт. Дарья Петровна сама отлично готовит водку.

- Не скажите, Филипп Филиппович, все утверждают, что очень приличная - тридцать градусов.

- А водка должна быть в сорок градусов, а не в тридцать, - это во-первых, - наставительно перебил Филипп Филиппович, - а во-вторых, - Бог их знает, чего они туда плеснули".

У внимательного читателя должны возникнуть по крайней мере два вопроса. Почему водка (советская, надо полагать) называется "новоблагословенной" и почему она тридцатиградусная? Однако, читая и перечитывая гениальное произведение Булгакова, я не пытался найти ответы на эти вопросы, да и не давал их себе. И только познакомившись с воспоминаниями Н.П.Полетики и другими мемуарами, я узнал, что в России с 1914 года существовал сухой закон, который был подтвержден большевистским указом в семнадцатом. Закон отменен только в двадцать третьем году, и то не сразу: сначала разрешили выпускать напитки, содержащие не более тридцати процентов спирта. Вот откуда тридцатиградусная "новоблагословенная" - форменное издевательство над интеллигенцией!

Гости дорогие. Хabadники построили в Москве, в Марьиной роще громадный комплекс, включающий синагогу, иешиву, библиотеку и даже кашерный ресторан. Все это великолепие охраняется дюжими "секьюрити".

Однажды сюда прибыла группа израильтян, среди которых был и я. Выйдя из автобуса, я услышал разговор двух охранников. Они не знали, что русский - мой родной язык. Один бугай сказал другому:

- Коля, там ребята ждут, уже нóлито.

Тот ответил:

- Ты чо, не видишь, полный автобус жидов привезли. Сейчас оформим, и приду...

Откуда ногти растут. Почти сразу после приезда в Израиль я и многие другие обитатели нашего центра абсорбции в пригороде Иерусалима стали ходить на "курсы иудаизма", организованные ведомством ХАБАДОм. В нашей группе выделялся очень интеллигентный молодой уже человек, бывший журналист-международник. Надо сказать, что преподаватели у нас были разные: некоторых я и сейчас бы с удовольствием послушал, но на лекциях других я предпочитал мир-

но дремать. На одной из подобных лекций меня вдруг разбудил страшный крик этого самого журналиста: "Что?! Что вы сказали?! Ногти растут из мозгов?! Ногти моей здесь больше не будет!!!" И он пулей вылетел из комнаты и никогда больше у хабадников не появлялся.

Я пытался объяснить этому милому человеку, что имел в виду невежественный "учитель". Действительно, такой пример с ногтями имеется в кабале. Ведь, что ни говори, ногти - загадочная субстанция: одновременно и живая, и мертвая... Но травмированный ХАБАДОм еврейский интеллигент ничего не хотел слушать. Очень уж его поразили эти ногти, растущие из мозгов...

Мой первый Пурим. Когда в девяностых годах прошлого века число репатриантов из России достигло миллиона, израильские аборигены перестали удивляться пьяным. А в патриархальных семидесятых и восьмидесятых увидеть на улице израильского города подвыпившего прохожего не представлялось возможным.

Наша семья прибыла в страну в самом конце 79-го. Через три месяца наступил веселый праздник Пурим. Хabadники, которые, как известно, не дураки выпить, пригласили меня в одну компанию, где я, перепробовав разных экзотических напитков, быстро перестал "отличать Амана от Мордехая". Тепленького меня погрузили в автобус и повезли ночевать к друзьям.

Как мне рассказывали потом, в дороге я вел себя неадекватно и сердобольные попутчики-израильтяне потребовали у водителя немедленно доставить меня в больницу: "Разве вы не видите, что человеку плохо?!"

Филосемит. В конце восьмидесятых годов в Израиль приехал один известный русский диссидент, в свое время посаженный коммунистами за письма протеста против проявлений государственного антисемитизма в СССР. Его поселили в одном из лучших центров абсорбции для репатриантов, расположенном в Иерусалиме.

По соседству с этим центром жила наша семья. Однажды ночью я проснулся от диких криков, доносившихся со стороны центра:

- Евреи проклятые! Заманили, сволочи! Морды жидовские! Ненавижу!

Наутро я поинтересовался, что же произошло.

- Да это защитник евреев напился, - объяснили мне обитатели центра.

Абрам и Сара. Вообще, в этом иерусалимском центре абсорбции попадались иногда интереснейшие типы. Одно время здесь жили репатрианты из Ильинки, деревни в Воронежской области, русские жители которой еще в девятнадцатом веке приняли иудаизм. Я с удовольствием прислушивался к их разговорам.

- Хаим, ты Исаака видел?

- Видел.

- Пьяный?

- Не, нормальный пока.

- А Абрам? Готов уже?

- Что ты, вон его Сара стоит у синаго-

ги, она ему покажет, как водку жрать!

- Двора, ты чего замуж не вышла?

- Да у нас евреев холостых почитай и не было.

- А за русского?

- Нет уж, пусть пьяница, зато свой, еврей!

Лекция. В конце девяностых годов Еврейское агентство, исчерпав в бывших республиках развалившегося Советского Союза запас евреев, принялось ввозить в Израиль русских, украинцев, татар, бурятов и прочих желающих сменить климат. Для этих любознательных молодых людей устраивали всякие мероприятия, призванные пробудить их еврейское самосознание. Так и меня пригласили прочесть для этой категории репатриантов лекцию. Я тщательно подготовился и в назначенный вечер, несколько волнуясь, вошел в зал одного из центров абсорбции, где должно было состояться мое выступление. Шум в зале стоял невообразимый. В задних рядах взасос целовались парочки, по полу катались пустые бутылки, в углу резались в "очко". Наскоро отбарабанив свою лекцию ("Современное израильское общество"), я робко спросил, будут ли вопросы. Ноль внимания. И вдруг биндюг, сидевший в первом ряду, раскрыл рот:

- Ты... это... скажите... вот жи... евреи правда Христа распяли?

Самое интересное, что в зале находился и представитель Сохнута, который выговорил мне потом, что я "не овладел вниманием аудитории".

Если милый атташе. Как посланец израильского минпроса я несколько лет проработал в Ташкенте и Тбилиси, общаясь в этих городах не только с местными евреями, но и с израильтянами, по разным причинам живущими вдали от родины, с такими же "шлихим" (посланцами), как и я, с "сохнутчиками", представителями "Джойнта", с нашими посольскими и всяким пестрым людом из дипломатического корпуса. Это очень любопытная публика, весьма саркастически описанная в романе Дины Рубиной "Синдикат". Я на роман не захожу, но о нескольких забавных случаях расскажу.

Кто в израильском посольстве, особенно маленьком, самый главный? Все не посол, не резидент, а "кацин битахон" - ответственный за безопасность дипломатов, да и всех израильтян, работающих в данной стране. Прибыв в Тбилиси, я был тут же представлен молодому симпатичному пареню - надо сказать, что чем малозначительней страна, тем моложе там весь дипломатический корпус, ибо именно в таких государствах дипломаты начинают карьеру, - который долго наставлял меня, как следует вести себя израильтянину за границей. В частности, ни в коем случае нельзя распечатывать ни письма, ни тем более посылки от незнакомых людей. Их следует вернуть на почту или переадресовать в посольство. К этому времени я был уже сто раз проинструктирован, видел даже специальный фильм и слушал "битахончика" вполуха.

И зря, потому что через несколько месяцев, совершенно забыв об этом раз-

говоре, я получил толстое заказное письмо. Я, было, уже хотел расписаться, но взглянул на имя отправителя, написанное по-английски. Им значился... Тициан Табидзе. Поняв в чем дело, я попросил переслать пакет в посольство. Наш "кацин битахон" был страшно доволен и прилюдно хвалил меня, ставил в пример. Я же осторожно выяснил, что имя вымышленного отправителя подсказала секретарь консула, местная грузинская еврейка.

И в Узбекистане, и в Грузии я - впервые в жизни - чувствовал себя богачом, что вызывало сложные чувства. С одной стороны, я мог купить себе дорогие вещи, напитки, любые книги, ходить каждый день в рестораны (если бы они были кашерными!), с другой - мне было стыдно видеть заштопанные чулки моих учениц в еврейской школе и роющихся в помойках оборванцев на улицах. Тем не менее я быстро привык и к домашней прислуге, и к полагающейся мне по должности машине.

Я бывал на дипломатических приемах, где, несмотря на почти нулевой английский, познакомился и подружился с некоторыми дипломатами и сотрудниками международных гуманитарных организаций. В Ташкенте мы сошлись с турецким культурным атташе, который живо интересовался Израилем (тогда еще турки нас любили). Мы встречались в местном музыкально-художественном салоне, который посещала русская и еврейская интеллигенция и немногочисленные иностранцы. Турок, довольно полный, низенький холостяк, каждый раз появлялся с новой длинноногой блондинкой и церемонно представлял ее: "Мой референт..."

В Тбилиси я познакомился с немецким культурным атташе... на базаре. Вернее, мы знали друг друга и раньше и здоровались на приемах, но тут он обратился ко мне и спросил, указывая на шикарную керамическую бутылку дорожного армянского коньяка, стоит ли его купить. "Ноу, май френд, - залепетал я на подобию английского, - это дерьмо, то есть подделка, дрянь, гадость..." С тех пор мы подружались, и он каждый раз приветствовал меня: "Дерьмоунай, май френд, вив ля Франс!" - и зазывно махал бутылкой французского коньяка.

При необычных обстоятельствах состоялось мое знакомство с нашим представителем в Грузии. Сразу же по приезде в Тбилиси я направился в посольство на встречу с консулом, занимающимся делами репатриантов, и в ожидании его слонялся по приемной, листая израильские газеты и журналы. Тут в комнату зашел какой-то молодой бородач в мятых брюках и расстегнутой рубашке, посмотрел на меня и спросил на иврите:

- Ты кто?

- А ты кто? - автоматически отреагировал я.

- Я Уди, - ответил парень и добавил после короткой паузы: - Посол.

Через короткое время этот Уди женился на красивой грузинке и, по понятной причине, был переведен в одно из наших посольств в Южной Америке.

Ион ДЕГЕН

Имя доктора Исаака Яковлевича Парнеса я услышал, еще будучи студентом медицинского института. Услышал из двух источников, которые были весьма не щедры на комплименты даже очень хорошим врачам. Первой была доцент-фтизиатр, считавшая, что в мире есть только один выдающийся врач, умеющий ставить диагнозы в самых немыслимых ситуациях. И этот врач, разумеется, она. Так вот, именно от нее мы, студенты, узнали, что в туберкулезной больнице работает доктор Исаак Яковлевич Парнес, просто потрясающий диагност.

Вторым источником была моя мама, работавшая медицинской сестрой в той самой туберкулезной больнице. Мама тоже считала, что в мире был только один выдающийся диагност - мой отец, не врач, а фельдшер. Но именно у него, - и это я слышал не только от мамы, - учились многие врачи, прославившиеся в будущем. И этот самый источник, то есть моя мама, считавшая единственным достойным медиком моего отца, превозносила доктора Ицика Парнеса, отличного диагноста, к тому же чуткого, страдающего пациентам врача.

Вероятно, это было вполне закономерно. Мальчик из очень бедной еврейской семьи с блеском окончил гимназию и, единственный еврей в том году, был принят на медицинский факультет Ясского университета. В университете он не просто отличился, а стал легендой. Кафедрой химии заведовал видный профессор. Кроме достижений в своей области, он был известен как патологический антисемит и фанатичный фашист. В свое время Муссолини подарил ему ковер с вытканым фашистским знаком. Ковер устилал пол в кабинете заведующего кафедрой. Ступить на него не разрешалось. Студенты были обязаны ковер обходить. Кафедра включала в себя все химии, изучаемые медиками - неорганическую, органическую, физколлоидную и биохимию. В университете считали, что студент, сдавший этому профессору экзамен, уже имеет в кармане докторский диплом. И вот пришел сдавать экзамен Ицик Парнес. Экзамен, на котором профессор задавал самые немыслимые вопросы из разных областей химии, длился уже более двух часов. Ицик спокойно и невозмутимо отвечал на все вопросы. Разгневанный профессор схватил матрикул, вписал в него высший бал, но тут же схватил хрустальную вазу с цветами и грохнул ее об стенку. Мелкие осколки усеяли ковер с фашистским знаком.

Прошло пятьдесят восемь лет после окончания института. Пятьдесят восемь лет как я покинул гостеприимные Черновцы. Уже десять лет я пенсионер, почти не занимающийся врачебной деятельностью. Очень давно не возникал повод вспомнить ни доцента-фтизиатра, ни туберкулезную больницу, ни доктора Исаака Парнеса.

Но вот мы с женой наслаждаемся пребыванием на Мертвом море. Я позна-

Д-Р ИСААК
ПАРНЕС

Доктор Исаак Яковлевич Парнес

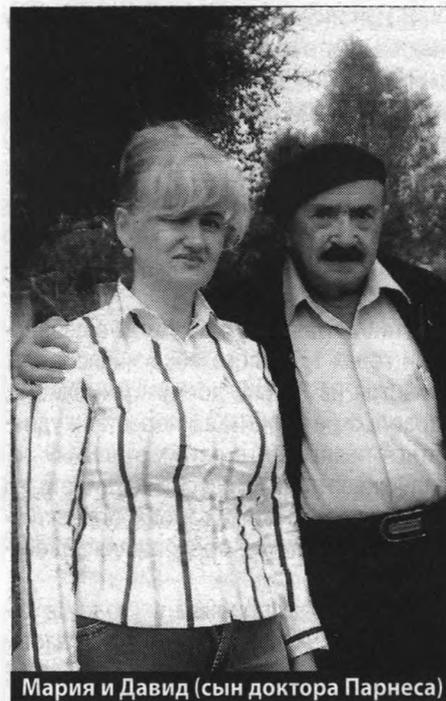
комился с работающим здесь симпатичным, уже далеко не юным врачом. Фамилия Парнес.

Давид Парнес, улыбаясь, сказал, что помнит меня студентом. Оказывается, когда я окончил институт, он учился на первом курсе. Да, он знал и мою маму, работавшую в той самой туберкулезной больнице, в которой врачом был его отец.

Из рассказа Давида я узнал, что отец его окончил медицинский факультет Ясского университета в 1933 году. Я не стал уточнять объем знаний, полученных его отцом в университете, не стал сравнивать их с объемом знаний, полученным мною после окончания института. Студента Ясского университета Парнеса не посылали в колхозы на уборку урожая. Вероятно, потому, что в Румынии не было колхозов.

Студент Парнес не тратил времени на кафедрах военной, марксизма-ленинизма, научного атеизма, политэкономии, то есть дисциплин, так необходимых врачу, и не сдавал экзаменов на этих кафедрах. Кроме того, в отличие от меня, владевшего языками русским, украинским и немецким (в пределах, как говорил мой приятель, номинатив, датив и презерватив), доктор Парнес владел в совершенстве румынским и французским, а двумя родными языками были идиш и иврит. В Яссах он окончил ивритскую гимназию. В Черновцах выучил немецкий, русский и украинский.

С молодым Парнесом, уже давно не молодым Давидом, до приезда в Израиль

Мария и Давид (сын доктора Парнеса)

доцентом кафедры реаниматологии Ленинградского педиатрического института, разговорились о врачах, о врачевании, о редких случаях в медицине.

- Знаете, - сказал он, - я могу поведать вам интересную историю. Но, пожалуй, лучше это сделать завтра. Я смогу проиллюстрировать свой рассказ фотографией.

Действительно, на следующий день Давид рассказал мне историю, которая, мне кажется, не должна оставаться известной только очень ограниченному кругу людей.

В Черновицкую областную больницу поступила двенадцатилетняя девочка Мария Гуцул из пригородного села. Девочка в бессознательном состоянии, почти в агонии. Диагноз - энцефалит, воспаление головного мозга. Все попытки спасти ее на пороге могилы оставались тщетными. Кто-то из врачей, обнаружив в анамнезе положительную диагностическую пробу на туберкулез, предложил пригласить для консультации фтизиатра из туберкулезной больницы. Разумеется, консультантом должен быть доктор Ицхак Яковлевич Парнес, лучший в городе диагност. Пригласили. Доктор Парнес тщательно обследовал девочку и поставил диагноз - туберкулезный менингит.

Вот тут началось главное. В ту пору подобные формы туберкулезного менингита были практически неизлечимы. В более легких случаях помогали инъекции стрептомицина в спинномозговой канал в поясничном отделе позвоночника. А в данном случае такие инъекции были неэффективными потому, что спайки в верхнешейном отделе спинномозгового канала перекрывали доступ стрептомицина к головному мозгу. Незадолго до этого доктор Парнес прочитал во французском медицинском журнале о подобном случае. Инъекции

стрептомицина осуществлялись не в поясничном отделе позвоночника, а в верхнешейном, непосредственно под затылочной костью.

Доктор Парнес перевел Марию к себе в больницу и впервые в Советском Союзе начал лечить ее именно таким способом. Надо ли объяснять, каким знанием анатомии должен был обладать врач, никогда не видевший подобных инъекций, какой техникой и, в конце концов, какой смелостью, чтобы приступить к такому лечению. Не забудьте, что за спиной врача всегда стоял прокурор. А тут еще не просто врача, а врача-еврея, которому вполне можно было инкриминировать эксперименты над христианским ребенком. Короче говоря, Мария Гуцул не только выжила, а полностью выздоровела.

Уже много лет спустя Давид Парнес узнал, что красивая восемнадцатилетняя Мария вышла замуж и уехала в Тюмень. Она оказалась не просто красавицей, но и очень талантливым модельером. Ее выкройки пользуются неизменным успехом у самых знаменитых дизайнеров. С мужем Мария вернулась в Черновцы. Вероятно, это естественно, что благодарной пациентке захотелось увидеть своего спасителя. Известие о том, что доктор Парнес уже умер, не просто омрачило ее. Выяснила она и то, что сын ее доктора уехал в Израиль. Ни в Черновцах, ни в Украине, ни вообще нигде на территории бывшего Советского Союза не осталось никого из родственников доктора Парнеса.

Мария пошла на еврейское кладбище. Запустение и разруха. Выяснить, где находится могила доктора Парнеса, не удалось.

В течение целого месяца Мария Гуцул, как на работу, приходила на кладбище, проходила из ряда в ряд, разыскивая могилу. И разыскала. Но в каком состоянии была могила! Надгробие перекопилось. У основания его глубокая трещина, продолжающаяся вдоль всей могилы. Грязный цветник зарос бурьяном.

Мария починила основание надгробья, расчистила и высадила цветы. Но это не успокоило, не устроило ее. Душа дизайнера требовала большего. С надгробья она сняла черную доску с шестиконечной звездой, именем-отчеством и фамилией незабвенного врача. Заказала новое надгробье, в которое рядом со старой черной доской вмонтирована мраморная плита с фотографией доктора и надписью: "Исааку Яковлевичу с уважением и любовью Мария".

Доктор Давид Парнес не имел обо всем этом ни малейшего представления. Прошло время, и он приехал на могилу отца. Надо ли описывать, что почувствовал сын доктора Ицика Парнеса, увидев это надгробье. Естественно, он разыскал Марию Гуцул. Это он, доктор Давид Парнес, сфотографирован вместе с Марией у памятника, воздвигнутого благодарной пациенткой.

Могу ли я что-нибудь добавить к рассказанному?

Июнь 2009 г.

Публикуется впервые.

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА БЛЬЮИСА

Мирон Я. АМУСЬЯ,

профессор физики, Иерусалим

В рассылке организации Scholars for peace in the Middle East (SPME), я получил сообщение о том, что, не дожив всего несколько дней до своего 102-летия, умер профессор Б.Льюис, крупнейший историк и востоковед, специалист по взаимоотношениям ислама с Западом. Он - автор более 30 книг и буквально несчетного количества статей, человек, оказавший значительное влияние не только на научные исследования, но и на мировую политику. К примеру, он был очень влиятельным сторонником удара США по Саддаму Хуссейну. Льюис считал, что диктатуру уместно уничтожать внешней силой, отмечая в то же время, что демократия есть сильнодействующее лекарство, которое можно давать пациенту, начиная только с малых доз и лишь постепенно увеличивая их. Иначе возникает опасность убийства больного. Отрицатель геноцида армян в 1915 на том основании, что власти Османской (Османской) империи не имели изначально плана убийства множества людей, он имел юридические проблемы во Франции, поскольку там отрицание геноцида наказуемо.

Я видел и слышал профессора Бернарда Льюиса один раз, в феврале 2002 г., в аудитории Хендлера института Трумэна при Иерусалимском университете. Отмечали его 86-летие. Сообщение о мероприятии я получил в рассылке организации "Профессора за сильный Израиль". Там рассказывали, что руководство университета организует встречу американского профессора с группой евреев и арабов. В программе, помимо тогда мне совершенно неизвестного Льюиса, значились в основном леваки, включая Ш.Переса, Ю.Тамир, проф. Б.Киммерлинга. Арабов представляли арафатовский "министр" Саиб Арикат и ректор университета Эль-Кудс в Иерусалиме Сари Нусейбе. "Профессора за сильный Израиль" подобную встречу в разгар террористической войны, ведущей местными арабами против евреев, справедливо сочли неуместной и призывали ее бойкотировать.

Я был только что после операции по удалению катаракты, один глаз еще прикрыт, как у М.Даяна, повязкой. Но мы с женой поехали, чтобы не допустить сборища, поучаствовав в его срыве. По приезде никаких бойкотчиков не обнаружили, а поток идущих на двухдневное сборище нас просто внес в зал. Уже тогда я владел техникой захвата сидячих мест, и мы оказались во втором ряду, сразу за каким-то сильно пожилым американцем, что я понял по позолоченным пугови-

Проф. Бернард Льюис

цам его темно-синего костюма. Я сразу заподозрил в нем юбиляра, Бернарда Льюиса и тут же возненавидел за предполагаемую левизну взглядов.

Кругом были приметные лица, тогда часто мелькавшие на телеэкране - министры, депутаты, послы. В первый день не было Переса, но была Ю.Тамир, Ц.Ливни, А.Липкин-Шахак. В середине зала заметил Т.Коллека. Словом, "тут был, однако, цвет столицы".

Доклад Б.Льюиса был чем угодно, но не апологетикой мусульманства и ислама. Лишь придя через несколько дней в университет, я узнал, что Льюис - старый враг радикального, то есть не просто призывающего к войне с неверными, а буквально воюющего с ними ислама. Льюис дожил почти до 102 лет. Выходит, энергичная борьба с исламом явно не сокращает жизнь. А возможно, она и удлиняет ее!

Слушать Льюиса было определено моментом удачи, но вопросов с подковыркой его доклад не породил. Кроме, пожалуй, одного - как получилось, что именно такой человек собрал столько "леваков". Но этот вопрос некому было задать. Возможный ответ - такой авторитет просто определял интерес ко всей конференции. А вот к другим участникам конференции вопросы с подковыркой были. Так, я просто мечтал встретиться с профессором Киммерлингом, уже тогда сильно пожилым коммунистом, как и с другими леваками из научных работников. Мое отношение к

этим людям можно было выразить, чуть перефразировав поэта, словами: "еврейского народа давний враг - он враг и мой, отъявленный и давний". И вопрос у меня к ним тогда был простой: "Какие у вас есть научные доказательства того, что предлагаемый вами отход к границам 1967 г. обеспечит Израилю спокойную и мирную жизнь?". Но вопрос этот, поскольку я знал ответ, имело смысл задавать лишь публично, причем чем больше стечение народу, тем лучше. Это был отличный способ продемонстрировать, что король левизны гол.

Председательствующий, президент университета М.Магидор, в своем вступительном слове говоривший о "жестокости с двух сторон", предоставил мне возможность задать Киммерлингу мой вопрос сразу после его доклада, который просто изобиловал оскорблениями и клеветой в адрес евреев и армии Израиля. Вообще, тогда левые были куда наглее, чем сейчас. Я представился и попросил ответить прямо и научно честно, как профессор профессору, на поставленный вопрос. Результат превзошел все ожидания. У Киммерлинга был дефект речи, но он не стал писать ответ на вопрос секретарю для зачитания, а заорал сам. В зале был синхронный перевод, и все сразу переводилось на иврит или английский. Так вот, синхронный переводчик извинилась и сказала, что перевести ответ Киммерлинга она не в состоянии. Это для меня был момент чистой радости. Больше я на этом заседании вопросов не задавал - председатель бы не дал. Но были, по счастью, и другие острые вопросы, к другим левакам-докладчикам.

На следующий день левой звездой была Ю.Тамир. Помню, как она сказала, что главную опасность для Израиля представляют не террористы, а поселенцы. Были у нее в ассортименте и другие гадости. Я опять был наготове и задал по сути тот же, а по форме несколько иной вопрос, с требованием доказать, как и чем опасны поселенцы для Израиля. Я стоял близко от нее и видел удивившую меня злобу в ее глазах, когда она кричала: "Такие, как вы, и стоящие за вашей спиной, толкают Израиль к катастрофе!". За моей спиной никто не стоял. Тут она ошибалась. А вот пусть стыдную, но радость своим визгом она мне доставила. И прилюдно продемонстрировала в большой аудитории, что сказать по существу ей нечего. Спасибо и за это. Отличная это вещь - публичные дебаты, даже если у тебя не доклад, а всего лишь пара минут, чтобы задать вопрос или сделать краткий комментарий.

Замечу, что 86-летний юбиляр аккуратно посещал заседания.

Эта история научила меня тому, что нередко полезнее участвовать в дебатах, чем безуспешно пытаться их бойкотировать.

EINE KLEINE NACHTMUSIK Маленькая ночная серенада

Наум САГАЛОВСКИЙ

Зачем мы дали Гименею
надеть себе хомут на шею?
Не знаем сами, вам видней.
Настанут дни житейской прозы,
и мы поймём, какие розы
нам заготовил Гименей...

1961 г.

Але

Где эта улица? Улицы нет,
названной именем Павла Тычины.
Я не любил её. Были причины,

были, да сплыли за давностью лет.
Берег днепровский, вода и песок,
милые звуки российского мата,
воздух с отходами химкомбината -
жизни ушедшей забытый кусок
в городе Киеве... Где этот дом,
многоэтажный, железобетонный,
две комнатки и шум заоконный?
Помнишь, как жили мы там вчетвером?
Помнишь, как тихо струилась река,
слышался звон проходящих трамваев,
липы цвели, и Муслим Магомаев
пел о любви на волне "Маяка"?..
Где эта барышня, что я влюблён?
Где эта барышня?.. Скрылась, исчезла,
как по велению волшебного жезла,

в синем тумане минувших времён...
Барышня, бабушка, мёд мой и яд,
нашей любви уже пятый десяток,
как этот срок ненадёжен и краток!
Что там грядущие годы таят?
Было же счастье, и радость была,
как неразумно мы их расточали!
Господи, чёрная птица печали
вновь простирает над нами крыла!..
Старость - не радость и бедность - не грех.
Вот они, дожили мы до обеих.
Господи, разве мы звали к себе их?
Разве твоя благодать - не для всех?
Где наша молодость? Там, за бугром.
Вспомним, поплачем, и вправду - была ли?
Птицы отпели, костры отпылали,
годы обрублены, как топором.
Каждое утро - с команды "На старт!" -
служба, зарплата, волнения, слухи,
дети, продукты, ангины, желтухи,
плюс - отголоски отцовских простат.
Помнишь прогулки по мокрой лыжне,
песни, палатки на лоне природы,

скудные наши медовые годы
в лучшей на свете советской стране,
нашу жилплощадь - семейный очаг,
тёплое место для сна и досуга?
Только и радости, что друг от друга,
только и свету, что в детских очах...
Молодость!.. Душу себе не триви.
Что там за нами? Одни головешки.
Время уходит в безудержной спешке -
я ничего не сказал о любви.
Прошлые дни не отмывать добела.
Купаны в горькой советской купели,
жили, страдали, растили, корпели, -
может быть, это любовь и была...
...Помнишь старинный казённый дворец,
тот, где под свадебный марш Мендельсона
протамповали печатью закона
соединение наших сердец?
Я тебя вижу такой, как тогда:
тонкая, в белое платье одета,
милая, нежная, полная света -
Боже мой, как ты была молода!..
Вот и кончается брачный бедлам -

гости, сотрудники, сёстры и братья,
брызги шампанского, слёзы, объятия,
с этой минуты вся жизнь - пополам,
лето и осень, жара и дожди,
радости наши, надежды и муки,
дети, что будут, а может быть, внуки -
всё впереди ещё, всё впереди!..
Годы промчатся, и, два старика,
в боли и немощи, как в паутине,
будем мы вместе с тобой на чужбине
век доживать. Но об этом пока
нам неизвестно. Отныне вдвойне
хочется ласки, покоя, уюта,
канет волшебная эта минута -
счастье начнётся! И кажется мне,
что суждено нам, как сказка гласит,
долго прожить и уйти в одночасье.

Ангелы в небе, несущие счастье,
молча спускаются. Дождь моросит...

2004 г.

ДВА РАССКАЗА

Владимир ХАНАН

Семейный портрет с цветком

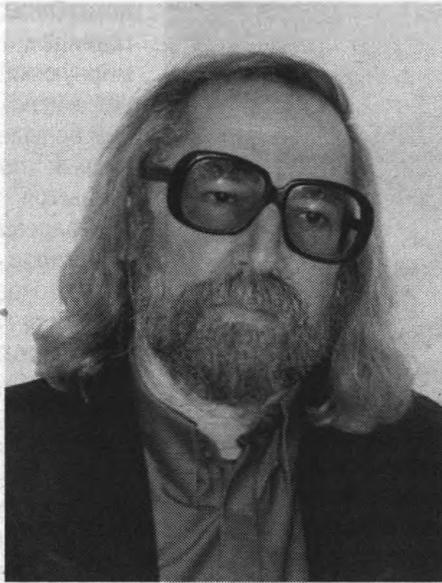
Среди моего живописного наследия есть картина (оргалит, масло, 130 x 150) под названием "Семейный портрет". На картине изображена семья, четыре человека, на фоне цветущего летнего парка. Предположительно, это Софиевка, уманский парк, созданный мастерами садового искусства по заказу известного магната Потоцкого для любовницы, даже, сказать точнее, возлюбленной - простой, так гласит предание, крепостной девушки Софии.

Парк этот, в самом деле необыкновенной красоты, я видел своими глазами, когда однажды был в Умани, на родине своего отца.

В картине это фон: зеленая масса деревьев, смутно различимая, почти угадываемая беседка-ротонда, за спиной семьи то ли куртина, то ли вазон - с цветами. Семья - на и около скамейки: мать и старший сын-подросток стоят по обе ее стороны. Отец и младший, обнимаемый отцом за плечи, сидят. Эта картина, в адрес которой автор слышал много похвал от квалифицированных, хочется ему думать, критиков и ценителей, экспонировалась на престижной (в нонконформистских кругах) выставке "10 лет ТЭИИ" (Товарищества Экспериментального Изобразительного Искусства) - объединения ленинградских художников-неформалов, давшего впоследствии городу и миру несколько знаменитых имен.

Выставка была действительно серьезной: далеко не все из членов ТЭИИ сумели пройти суровую отборочную комиссию, так что я оказался среди немногих избранных, к слову сказать, даже не состоя в рядах Товарищества. Могу прибавить, что этим обстоятельством был немножко горд.

Не помню, почему я не был на вернисаже. На следующий день позвонил знакомый и сказал, что был на выставке (в те золотые времена это было событием городского масштаба) и что, по его мнению, моя картина "Семейный портрет с цветком", несомненно, одно из ее украшений. Семейный портрет - с цветком? Я почувствовал себя, как будто получил оплеуху. Почему с цветком? Где они - оформлением экспозиции занимался выставком - нашли цветок? Ни у одного из персонажей картины в руках цветка нет. Да, верно, за их спинами есть, я уже говорил, не то клумба, не то ваза, но с цветами, с цветками, не с

цветком. Что за идиотизм! Конечно, это была мелочь, на которую никто и не обратил внимания, но меня это задело сильно, потому что в этом и вправду мелком факте я увидел очередное проявление преследующей меня невезухи: еще ни одна, повторяю, ни одна из моих редких поэтических публикаций не обходилась без чудовищных опечаток. Как правило, пропускалась важная для смысла стихотворения строка, иногда строки внутри стиха менялись местами и даже был случай - в одной солидной зарубежной антологии - когда конец одного стихотворения был пришит к началу другого, так что в результате оба стихотворения превратились в нечто абсолютно загадочное...

Самое печальное, что это продолжается до сих пор.

На самом деле ошибка объяснялась просто. Отборочной комиссии я представил несколько работ. Среди них была, как принято говорить среди художников, "обнаженка" - "Женский портрет с цветком". Картина была, простите за нескромность, хороша, что косвенно подтверждается тем обстоятельством, что часть ее названия (а, стало быть, и содержания) застряла в подсознании уважаемых судей. Не взяли ее исключительно из-за стопроцентной "непроходимости" через комиссию ЛОСХа (Ленинградское отделение Союза художников), которому в те времена принадлежало решающее слово. Это был холст приблизительно 90 см на метр, в каковое пространство была изящно и точно вписана женская фигура.

"Перед вами, - говорит будущий гид будущего музея, - прелестная фигура обнаженной женщины. Женщина полулежит, опираясь на ложе локтем правой руки. Вторая ее рука нам не видна, только плечо, по-видимому, там, с другой стороны, она вытянута вдоль тела. Правая нога женщины также вытянута, мы видим ее не всю. Левая согнута в колене, колено поднято и находится примерно на уровне

головы. Голова женщины не запрокинута, как можно было бы ожидать, она склонилась на грудь, густые распущенные волосы скрывают половину лица. Правая грудь женщины - большая, крупная, мы как бы даже ощущаем ее тяжесть - естественно отвисает книзу, вторая лежит на левом боку женщины, как некая мощная и вместе с тем нежная возвышенность с обращенным к верхней части холста соском. Ноги - вытянутая и согнутая - расположены так, что нам видна верхняя часть опущенного треугольника. Остальное домысливается зрителем. (Зритель домысливает.)" Да, чуть не забыл: рука, которая видна целиком, держит цветок.

Вернемся, однако, к семейному портрету. Итак, семья. Для правильного понимания картины, или, точнее, правильного понимания замысла автора, следует уточнить: еврейская семья. По отцу и младшему сыну этого не видно: лысый папа может быть человеком любой национальности южного региона: евреем, молдаванином, украинцем. В малыше вообще видна только раса. А вот мама и старший сын, что называется, типичные представители, или, говоря сокращенно, что да, то да. Мама - это, конечно, еврейская "тетка", от которой за версту разит местечком. Низкорослая, толсторукая, с могучими грудью и торсом, опирающимся на толстые же, короткие и крепкие ноги. Главное впечатление от лица: сила и упорство - качества, которые в сочетании дают житейскую (своеобразную, скажем все же) мудрость, с успехом заменяющую интеллект. Одета ярко, безвкусно, но, скорее всего, недешево. В руках, явно более привычных к тяжелым "авоськам" с продуктами, маленькая дамская сумочка. Идея, мысль, сегодняшняя реальность - в ней, жене, матери, несомненной главе семейства. Муж - в светлом, добротом сшитом костюме (наличие неплохого вкуса то ли у него, то ли у местечкового портного - были портные в еврейских местечках!), несмотря на позу: одна нога независимо закинута на другую, и галстук-бабочку - конечно же, статист, подкаблучник, существо во всех отношениях подчиненное. Старший мальчик, стоящий относительно матери по другую сторону скамьи, образующий вместе с ней как бы - рискнем мы сосчитать - смысловую конвойную группу, является, так же, как и мать, лицом для картины значительным. Ему лет 12-14, это типичный "жиртрест" с явно наметившейся грудью и животом, слишком хорошо знакомым с домашними пирожками. Не теряя времени даром, держит в руке фрукт. На лице легко расшифровываемый статус в своем, так сказать, карассе: насмешки мальчишек, презрительное невнимание девочек, откуда нелюбовь к подвижным играм, комплексы, время в мечтаниях и за книгой - и легко просчитываемое будущее: затаившаяся инфантильность,

неискоренимое дилетантство во всех профессиональных проявлениях. В исключительных (хотя и не редких) случаях из таких получаются Вейнингеры, Блюмкины, Кокто... Младший несет нагрузку чисто символическую: это даже не столько будущее семьи, сколько персонализация факта, что у семьи будущее есть. Добавлю еще, что по картине легко читается - и это ее несомненное достоинство, правдо, скорее литературное, чем живописное - социальное положение нашего коллективного героя. Это средний класс местечка, семья, сумевшая тяжкими многолетними усилиями (главным образом, матери) приумножить небольшой (уверен, что небольшой) наследственный капитал, создавший основу прочного (зная будущее, не будем преувеличивать его прочность) материального благополучия. Картина тому свидетельство: местечковая - ну, конечно же, они еще живут в своем местечке - семья, выехавшая на ставший ей доступным отдых в культурный, типа Умани, центр. (Специально для этого случая приобретены не нужные в хозяйстве сумочка, "бабочка" и матросский костюмчик малыша).

В отличие от обнаженной женщины, которую я как-то враз усмотрел на пустом еще холсте, семейный портрет был мной списан можно сказать, с натуры - со старой пожелтевшей фотографии, невесты когда появившейся в нашем фотоархиве. По версии моей мамы, не вызывающей, правда, особого доверия, ибо моя мать всегда плохо ориентировалась в мужниной родне, на фото изображены наши дальние родственники, давным-давно, чуть ли не в конце десятиях прошлого века, свалившие в Америку. Версия, однако, кажется мне правдоподобной (других, собственно, и нет). Правдоподобной по той причине, что к моменту, остановленному аппаратом провинциального фотографа, даже менее решительные и мудрые, чем изображенная на фото тетка с сумочкой, евреи сумели понять, откуда дует ветер и чем весь этот балаган, скорее всего, закончится. Не особо напрягая фантазию, я прямо-таки вижу, как, невзирая на робкие возражения подкаблучника и занудное нытье "жиртреста", эта мужественная женщина перетаскивает свою семью на другой конец света, в Америку, чем, к слову сказать, радикальным образом меняет ее будущее, проще говоря, ее жизнь. И смерть.

Фотография, о которой идет речь, сейчас здесь, со мной, в Израиле. В хорошие минуты я смотрю на нее, и люди, изображенные на ней, становятся мне все более родными. Картина, где они же стоят и сидят на фоне уманского, предположительно, парка Софиевка, висит в доме моих родственников в Санкт-Петербурге и сквозь окна смотрит на Неву. Судя по возрасту фотографии и ее персонажей, разве что у самого младшего из

них есть шанс, да и то небольшой, оретаться на этом свете, остальные, можно сказать, гарантированно, стали американской землей и если где-нибудь и куда-нибудь смотрят, то нам с вами этих "где" и "куда" знать не дано.

"Семейный портрет" прямо на выставке почти уже купили западные немцы (тогда еще существовали и ФРГ, и ГДР), да я как-то так замотал переговоры, что дело кончилось ничем. "Женщину с цветком", можно сказать, купили, даже увезли, вот денег, правда, до сих пор не заплатили. На всем этом можно было бы уже поставить точку, если бы не проклятый цветок, пришипленный к названию, скорее всего, по простому недоразумению и который, назло всем, сколько ни есть, очевидностям выпирает из памяти, пытаюсь - и безрезультатно - выдать себя за символ - чего? - чего-то очень важного, чему я никак не могу подобрать названия.

Проанализируем ситуацию и выясним для начала, что мы имеем. А имеем мы гипотетическую (увы, но так) Умань, уже начавший скрываться за туманной дымкой Санкт-Петербург, не менее гипотетическую, чем Умань, Америку (по-видимому, Ну-Йорк - так выговаривала моя бабушка) и единственно по-настоящему реальный Иерусалим. То есть, мы имеем как бы некое поле, образуемое натяжением между указанными пунктами. И я таки понял, чем был и что символизировал сей, не известный ботанической науке, но тем не менее реально существующий цветок.

"На картине "Семейный портрет с цветком", - говорит будущий гид будущего музея, - изображена еврейская семья, фотографирующаяся на прощанье перед отъездом из своей родной Украины в далекую Америку. Парк, на фоне которого изображена семья - уманская Софиевка, построенная князем Потоцким для своей любовницы. Не ищите на картине цветок - это до вас уже безуспешно пытались сделать десятки искусствоведов. Цветок, отсутствующий в визуальном плане картины - это Роза Ветров, картографический значок, изображавшийся некогда на географических картах. "Я считаю, что это самый еврейский цветок на свете" - пошутил автор картины в одном из своих последних интервью".

Остальное домысливает читатель.

"Здрасьте, трамвайчик"

Когда мужа моей сестры забрали в армию, обязанности дровосека и дровоноши перешли ко мне. Дом на улице Петра Лаврова (до революции и ныне Фурштатская), хотя и находился в самом центре Ленинграда, вплоть до начала 70-х отапливался

дровами. Первое время я два раза в неделю приезжал из Царского Села, где жил с родителями, а потом и вообще перебрался к месту необременительной моей заботы, к бабушке и сестре. Комнату на Петра Лаврова я вообще воспринимал таким семейным гнездом, ибо дед приобрел ее (тогда можно было комнаты покупать), если не ошибаюсь, в 30-м году. Из нее мы выезжали и возвращались, пока не разъехались окончательно в семьдесят третьем году - благодаря немцам ФРГ. ФээРГэшники (правильней эФЭР-Гэшники, да так привычнее) забрали соседний дом под свое консульство, и городские власти сразу же выселили два дома по обе стороны - для капитального ремонта и капитального же, как я предполагаю, заселения смежных плоскостей "жучками" и прочими средствами подслушивающей науки. Но это к слову.

И на этой вот самой территории возник однажды - для меня и сестры в первый раз - наш дальний-дальний родственник по имени Муся Ореховский-Гойхман. В те времена я бывал дома крайне нерегулярно: помимо работы много времени отнимало питье водки, культпоходы на природу с той же, собственно, целью, ухаживания (небезответные) за девушками и переживания затянувшейся первой любви (как раз безответной). Не считая заочной учебы на истфаке ЛГУ, где я служил живой иллюстрацией к тезису одного знакомого математика, утверждавшего, что заочное образование - как заочное питание. В смысле, надо полагать, результата. По крайней мере, в моем случае он был прав. Таким образом, с Мусей я познакомился далеко не в первый день его приезда.

Внешне Муся был похож на Эдуарда Багрицкого. Бывает такая похожесть, когда люди, поставленные рядом, кажутся абсолютно непохожими, но по отдельности поразительно напоминают друг друга. Именно так было у Муси с прославленным поэтом. Муся был коренаст, ходил несколько вразвалку, носил ту же прическу и к тому же был одесситом. Я не скажу, что он меня поразил - люди такого типа мне до поры до времени просто не встречались. Позже, когда я вошел в литературно-богемные круги, такие люди уже не вызывали у меня удивления. Свою маму он называл "Кошка": "Мы с Кошкой..." - говорил он, - "Кошка сказала..." Как раз кошек он называл "котухами", а симпатичных ему людей мужского пола "собаками": "Такой славный собака..." и так далее. Бабушку, которая, в отличие от меня, постоянно находилась дома, он немного раздражал. Я уже не говорю о том, что четвертый - и почти чужой - человек в небольшой комнате коммунальной квартиры достаточно, так скажем, заметен - Муся, к тому же, был человеком своеобразно принципиальным и поэтому, приезжая в го-

сти, жестко навязывал хозяевам свой стиль и распорядок жизни. В тот месяц, который он провел у нас, просыпаясь ночью, я неизменно видел Мусю, ходящего со стаканом чая по комнате, естественно, при свете, который мне не мешал, чего не скажешь о бедной моей бабушке. Ее претензии по этому поводу Муся, однако, резко пресек, и вопрос больше не поднимался.

Однажды бабушка сказала мне: "А знаешь, Муся пишет стихи". Сам я к тому времени, написав - еще в школьные годы - несколько поэм (в юности я был поэтом исключительно больших форм) и поняв, насколько это простое дело, покончил с подобными пустяками (не навсегда, читатель, не навсегда!), но считал себя в этой области искусством специалистом.

- Вы пишете стихи? - спросил я Мусю.

- Да, - скромно, но твердо ответил тот.

- Не могли бы что-нибудь прочесть?

- Извольте, - и прочитал мне два стихотворения.

Не знаю, какой я был на самом деле специалист, стихов этих, естественно, не помню, но ощущение от них осталось до сих пор, даже какой-то смутный рисунок... Это были - в этом я, несмотря на вышеприведенные обстоятельства, уверен - настоящие стихи, сильная и чистая лирика.

- Мне нравится - несмело сказал я.

- Естественно, - уверенно отреагировал Муся, - и Щипачеву нравится, и Эренбургу (а Эренбург был для меня в те времена большим авторитетом).. Эренбург просил у меня их переписать, но я не дал. (Этим, как я понимаю, Муся лишил себя единственного шанса остаться в истории литературы: Эренбург любил цитировать хорошие чужие стихи - а вкус у него был безупречный.)

Через какое-то время я провожал Мусю на вокзал - он ехал в Москву, как раз к Эренбургу, - неся его тяжелый, набитый книгами, чемодан. Муся был инвалидом по какой-то болезни, о которой я не слышал, а и слышал, так сразу забыл, в общем, ему стоило труда сохранять при ходьбе равновесие, поэтому он ходил, раскачиваясь, как маятник; о том, чтоб нести чемодан, и речи быть не могло. Как я сейчас понимаю, Муся жил так, как спустя совсем немного времени стал жить и я, разве что Муся совершал свои передвижения на мизерную инвалидную пенсию, а я выкраивал на те же цели деньги из мизерной же зарплаты сторожа или лифтера. Примерно года через два-три я узнал, что Муся Ореховский-Гойхман умер. То ли незадолго до, то ли сразу после смерти своего отца. Еще раньше умерла его кронштадтская тетя, которую моя бабушка всегда называла "бобэ". Больше ничего о Мусе я не знаю. Здесь, в Израиле, я как-то прочитал в

газете статью о человеке по фамилии Ореховский. Был он, кажется, из Санкт-Петербурга, возможно, каким-то боком упоминалась и Одесса. Однако, несовпадений было значительно больше, и я не представлял себе, что можно вынести из этой статьи - в смысле знания о моем родственнике.

У нас дома за глаза никто не называл Мусю (кстати, как его полное имя, я не знаю) Мусей. Всегда говорилось так: "Приехал Здрасьте-Трамвайчик". Таково было его семейное прозвище. В детстве, в Одессе, входя в трамвай, уже тогда интеллигентный Муся говорил, здраваясь: "Здрасьте, трамвайчик". Мне кажется, что этот факт говорит о моем бедном прекрасном родственнике больше, чем это удалось автору сих ностальгических строк.

Как я жалею сейчас, что не поговорил толком, не наговорился с Мусей Ореховским-Гойхманом, поэтом из нашего, если толковать его расширительно, рода. Где сейчас его стихи? - выкинули чужие люди, или равнодушная родня задвинула в какой-нибудь угол, как, подозреваю, в лучшем случае задвинут и мои? Как странно и грустно, что люди, живущим в одно и то же время, могут так не совпасть именно по времени, как не совпали мы с Мусей.

Моя литовская хозяйка Антося, в деревню к которой я ездил двадцать лет, рассказывала мне, что ей однажды приснился рай, "роюс" по-литовски.

- И ты понимаешь, - сказала она мне, - этот роюс был как наша деревня, как Лишкява, такие же домики, а в них люди.

Конечно, я сразу же вспомнил Сведенборга и Свидригайлова, а потом подумал, а ведь, может быть, и вправду рай для каждого свой, почему нет?

За почти тридцать лет, прошедших со смерти Муси, мне ни разу не попадались в печати стихи, подписанные его именем. Думаю, он нигде не публиковался, и его стихи, скорее всего, пропали. Я не думаю, что это трагедия-так, стало быть, и надо. Однако, я надеюсь, более того - даже испытываю уверенность, что там, где сейчас находится Муся, и где нас оценивают по тому, что мы собой в действительности представляем, неизвестный читателям Ореховский-Гойхман, мой дальний родственник Муся "Здрасьте-трамвайчик" зарегистрирован в качестве, или, говоря "высоким штилем" (место обязывает!), причтен к сонму поэтов. Я даже представляю себе его рай: скорее всего, это большая просторная комната, по которой можно часами ходить со стаканом жидкого, неподслащенного чая и, бормоча себе под нос, сочинять стихи. При этом - по моим предположениям - там совершенно необязательно уметь держать равновесие.

"ТРЕБЛИНКА, ТРЕБЛИНКА, Я ТВОЙ ПАССАЖИР..!"

"А станция-то маленькая,
Вверху дрожат хвоинки,
Доска обычная висит
С названием "Треблинка".

Носильщика не видно,
Здесь даже кассы нету.
За миллион не купишь
Обратного билета". -

Так в переводе на русский язык Кирилла Медведева звучит фрагмент стихотворения польскоязычного еврейского поэта Владислава Шленгеля. В последний день легендарного восстания в Варшавском гетто он находился в штурмовавшемся нацистами бункере, вместе с лидерами антифашистского сопротивления. В самом начале августа 1943 года в лагере смерти, упомянутом в процитированных выше поэтических строках, вспыхнуло вооруженное восстание узников, обреченных на гибель. Ныне отмечается 75 годовщина этого акта героического сопротивления безвинных жертв безжалостным палачам. Лагерь, собственно говоря, было два. Один - трудовой, а второй - массового уничтожения, где, по разным оценкам, погибло от 750 до 870 тысяч человек. Это были, по преимуществу, евреи, депортированные в Треблинку из разных областей Польши, из Словакии, Греции, Македонии, Фракии. Смерть в Треблинке, в числе других, принял знаменитый польский педагог, врач и писатель Януш Корчак (Эрш Хенрик Гольдшмидт), до последней минуты не покинувший своих юных еврейских воспитанников из интерната "Дом сирот". Место расположения лагерной зоны - малонаселенная, лесистая местность - было выбрано специально для того, чтобы скрыть происходящее там от посторонних глаз. Мужчины отделялись от женщин, дети шли с женщинами. Женщин и детей заставляли раздеваться в бараках, при этом женщинам остригали волосы. Обнаженных, их выводили из барачков и силой загоняли в "трубу" - узкий, огороженный забором камуфляжный проход, ведущий в газовые камеры. После того, как жертв заперли в газовых камерах, туда подавались выхлопные газы от двигателя тяжелого танка. Через полчаса все находящиеся внутри люди были мертвы, и на подходе уже стояла следующая группа жертв. Использовался и другой метод - выкачивания воздуха из камер, набитых до отказа мучениками. Трупы убирались и складывались в траншеи для захоронения. Эта работа выполнялась зондеркомандой узников-евреев. Ее состав от-

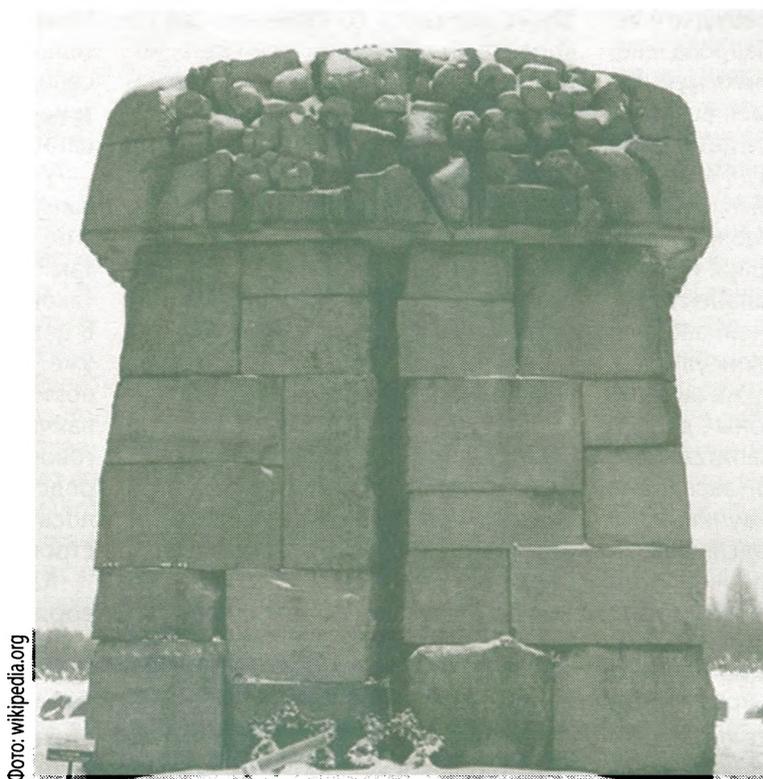

Фото: wikipedia.org

бирался из прибывавших заключенных. Они также сортировали личное имущество и одежду убитых, занимались выносом мертвых тел. Большинство членов зондеркоманды, спустя некоторое время, уничтожались, а их место занимали новоприбывшие. Весной 1943 года, после посещения лагеря Гиммлером, прилетавшим в Треблинку на самолете, там были установлены кремационные печи. Высокий чин распорядился все тела убитых выкопать и сжечь, а вновь убиваемых - сжигать, а не закапывать. Василий Гроссман в книге "Треблинский ад", в данной связи указывает, что главной причиной этой директивы, которая коснулась и других лагерей смерти, явился разгром гитлеровских войск в битве за Сталинград. Стало быть, тогда в Берлине, возможно впервые, всерьез задумались об ответственности, которую придется нести руководителям Третьего рейха за чудовищные преступления, и приказали заметить следы ужасных злодеяний.

К восстанию узников подтолкнули распространившиеся слухи о близящейся ликвидации лагеря. И, кроме того, у них появился шанс захватить оружие - после того, как рабочие бригады получили задание починить и достроить в лагере здание склада вооружений. Слесари должны были изготовить для железных дверей складского помещения замок и ключ. Один из ключей они отдали немцам, а дубликат тайно спрятали. Идти на бой решили узники, жизнь которых, и они это сознавали, временно сохранялась для обеспечения функционирования лагеря. Первые выстрелы зазвучали 2 ав-

густа 1943 года, где-то около четырех часов утра. Одному из заключенных удалось взорвать емкость с бензином. Раздался сильный взрыв. Восставшие понимали, что единственный путь к спасению - бегство в леса. Охранники начали стрелять со сторожевых вышек и быстро взяли ситуацию под контроль. Лишь немногим из участвовавших в восстании, примерно 750 узникам, удалось вырваться из охраняемой зоны, преодолев преграду из колючей проволоки, но значительную их часть настигли разъяренные преследователи. Среди немногих выживших назovem Самуэля Вилленберга, после войны написавшего книгу "Восстание в Треблинке" (автор ушел из жизни 20 февраля 2016 года в Израиле) и Рихарда Глацара, оставившего потомкам воспоминания "Ад за зеленой изгородью". Сам лагерь, как и планировалось, нацисты ликвидировали, остатки сооружений были разобраны, а территорию засеяли люпином. Известно, что в поисках золота и драгоценностей польские крестьяне выкапывали останки несожженных евреев из братских могил рядом с Треблинкой. Вещественные свидетельства зверств гитлеровцам в Треблинке уничтожить до конца не удалось. Кроме того, 54 заключенных, которым посчастливилось вырваться тогда из лап нацистов, дали свои показания освободителям, после перехода территории под контроль антигитлеровской коалиции. На месте лагеря Треблинка-2 сооружен памятник павшим и расположилось символическое кладбище, а в Тель-Авиве на кладбище Нахалат-Ицхак воздвигнут мемо-

риал жертвам Треблинки. А еще память о них сохраняется в посвященных этой теме песнях и стихах.

Александр Городницкий

Треблинка, Треблинка,
Чужая земля.
Тропинкой неблизкой
Устало пыля,
Всхожу я, бледнея,
На тот поворот,
Где дымом развеян
Мой бедный народ.

Порою ночью
Всё снится мне сон:
Дрожит подо мною
Товарный вагон,
И тонко, как дети,
Кричат поезда,
И жёлтая светит
На небе звезда...

Недолго иль длинно
На свете мне жить, -
Треблинка, Треблинка,
Я твой пассажир.
Вожусь с пустяками,
Но всё до поры:
Я камень, я камень
На склоне горы.

Плечом прижимаюсь
К сожжённым плечам,
Чтоб в марте и в мае
Не спать палачам,
Чтоб помнили каты -
Не выигран бой:
Я камень, я камень
Над их головой.

О память, воскресни, -
Не кончился бой:
Я песня, я песня
Над их головой.

Станислав Смелянский

В Треблинке это жаркий, липкий лес.
В Треблинке это камни, это камни.
В Треблинке - это вечная тоска мне.

Простите, что я с вами не исчез...
Вот слезы на глазах израильтянки.
Здесь в бани газ накачивали танки.

У воздуха здесь неподъемный вес.
И длятся молчаливые поминки.
Я не забуду тишину Треблинки.

Юлия Вихарева

Треблинка - лагерь смерти Памяти Януша Корчака

Удушлив август. Небо выжжено.
Не пыли - воздуха б глотнуть.
Сегодня бог как будто ближе, но
К нему ещё так долог путь.

Пропитан болью и молитвами
Людской чудовищный приют,
В котором даже над убитыми
Глумиться не перестают.

Где так над пленными куражатся,
Что вся их жизнь - в крови и зле:
Им Ад подземный Раем кажется
В сравненье с адом на земле.

"Зачистка. Уничтожить
полностью.
Еврейским детям - тоже газ..."
Не человек без чувств и совести,
- Сам дьявол отдавал приказ.

Невинны души. Тем не менее,
Ребячьи судьбы решены.
Приказ приводят в исполнение
В сорок втором, в разгар войны.

Что за бумажками и фразами? -
От них дрожит земная твердь:
Удушье - пытка камер газовых.
Итог - мучительная смерть.

Вот станция Треблинка, старая...
Название не забыть вовек.
Детишки выстроились парами,
А с ними - взрослый человек.

Здесь всё под бдительной охраною -
До самых лагерных ворот.
Нацисты видят нечто странное:
В ряды построен Дом сирот.

Без тени страха и сомнения
Их воспитатель впереди,
Он повторяет песнопения
И гордо пред собой глядит.

Как много мужества - немерено!
(Сошёл с ума, наверняка!)
Вслед офицер глядит растерянно,
Не понимая "чудака".

Ему ведь жизнь была предложена!
Но что ответил он врагу?
"Мне быть с ребятами положено,
Детей оставить не могу".

Кто ж сам на смерть
пойти отважится?
(А с виду, скажем, не бог весть...))
Нацист так ошарашен, кажется,
Что отдаёт герою честь.

Таким поступкам нет забвения -
Ни через годы, ни вовек.
На вид простой, а тем не менее,
Великий сердцем человек.

В протест на зверства
(всем известные)
Поступок Друга и Отца,
Что шёл на гибель гордо, с песнями,
С детьми оставшись до конца.

Смотрела вслед обескураженно
На марш эсэсовская мразь.
А дети пели очень слаженно,
Шли ровно, за руки держась...